

№7
Июль 2010

ТРУСКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

СОВЕТ ДА ЛЮБОВЬ!

🕒 23:00

🕒 7:00

Мир без преград

ВТБ сегодня – это более 30 компаний в 20 странах мира. Когда мы действуем вместе, расстояния и время – больше не преграда. Объединяя усилия, мы открываем новые возможности.

8 (800) 200-77-99, www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ, ВТБ 24 (ЗАО), ОАО «Банк ВТБ Северо-Запад», ОАО ВТБ Банк, ЗАО Банк ВТБ (Беларусь), ЗАО «Банк ВТБ (Армения)», JSC "VTB Bank (Georgia)", ДОО АО Банк ВТБ (Казахстан), ОАО Банк ВТБ (Азербайджан), Vanco VTB Africa SA, VTB Bank (Austria) AG, VTB Bank (Deutschland) AG, VTB Bank (France) SA., ЗАО «ВТБ Капитал», VTB Capital plc., VTB Europe Strategic Investments Ltd., VTB Capital Markets Limited, ООО «Холдинг ВТБ Капитал Ай Би», ЗАО «Холдинг ВТБ Капитал», ООО СК «ВТБ Страхование», ООО ВТБ Факторинг, НПФ ВТБ Пенсионный фонд, ЗАО ВТБ Долговой центр, ЗАО «ВТБ-Девелопмент», ЗАО «ОДК», VTB Capital (Namibia) (Pty) Ltd., ЗАО «ВТБ Управление активами», ОАО «ВТБ-Лизинг», VTB Leasing (Europe) Ltd., VTB-Leasing Capital Ltd., ООО «ВТБ-Лизинг Финанс»

РУССКИЙ КЛУБ

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

Главный редактор
Александр Сватиков

Заместитель главного редактора
Арсен Еремян

Редакционная коллегия:
Вера Церетели, Алла Беженцева,
Донара Канделаки, Нина Зардалишвили

Художник-дизайнер
Иракий Кипиани

Технический редактор
Давид Абуладзе

Допечатная подготовка
Давид Элбакидзе-Мачавариани, Алена
Деняга, Нино Цитладзе

№7 (58)
Июль 2010

Адрес редакции:
Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru

www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

СОДЕРЖАНИЕ

	ПРИВЕТСТВИЕ ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ КИРИЛЛА	4
ФЕСТИВАЛЬ	НАШЕ ОТЕЧЕСТВО – РУССКИЙ ЯЗЫК	5
	И ЗВЕЗДА С ЗВЕЗДОЮ ГОВОРИТ	8
	СОВЕТ ДА ЛЮБОВЬ!	12
	КТО, ЕСЛИ НЕ Я?	15
	ОБРАЩЕНИЕ К НАРОДАМ И ПРАВИТЕЛЬСТВАМ РОССИИ И ГРУЗИИ	19
ПРЕЗЕНТАЦИЯ	СТУПАЙТЕ СВОЕЙ ДОРОГОЙ!	20
	ВСТРЕЧИ С ШЕКСПИРОМ И НЕ ТОЛЬКО	21
О, СПОРТ!	ЖИЛ НА СВЕТЕ РЫЦАРЬ ДОБРЫЙ	24
ДЕНЬ ПОБЕДЫ	МУЗЫ НЕ МОЛЧАЛИ	27
ГОД УЧИТЕЛЯ	ДВОЕ В СЕРЫХ ШИНЕЛЯХ	28
МУЗЫКАЛЬНЫЕ ОТКРОВЕНИЯ	КОГДА ПОЕТ АККОРДЕОН	30
ЛЕНТА ПАМЯТИ	И ОЩУТИЛ НАРОД ПОТЕРЮ	33
	ЮНОША ИЗ АРГВЕТИ	35
ИСТОРИЯ	ЗАЩИТНИК ПРАВДЫ	36
РУССКИЙ МИР	ВСЕЛЕННАЯ НАШЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ	38
ПРЕМЬЕРА	«ЗАЯЦ, Я ПРИШЕЛ!»	40
СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ	ИХ СОСВАТАЛ «НОКТЮРН»	43
ТРАДИЦИЯ	ПАЛОМНИЧЕСТВО К СВЯТОЙ НИНО	46
ДИНАСТИЯ	ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛЮБВИ	50
ПРОЩАНИЕ	МАСТЕР В ХРАМЕ ЖИВОПИСИ	52

На обложке - Ксения Захарова и Олег Воловик.
Фото М.Болдырева

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»:

Зураб Абашидзе, Гита Лордкипанидзе, Роин Мегрели, Нани Бреговдзе, Джансуг Чарквиани, Гулбаг Торалдзе, Важа Азарашвили, Отар Мегвинетухуцеди, Ирма Сохадзе, Гоги Кавгарадзе, Гуджа Бубутеишвили (Грузия), Александр Эбаноидзе (Россия), Олег Воловик (Венгрия), Давид Маркшц (Израиль), Валентина Поликанова (Белоруссия), Алексей Цветков (США), граф Петр Шереметев (Франция), Евгений Табачников (Россия), князь Никита Лобанов-Ростовский (Великобритания), Михаил Багдасаров (Армения), Михаил Носов (Россия)

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

**ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ
КИРИЛЛ**

« 11 » июня 2010 г.

119034 Москва, Частный пер. 5

**Организаторам, участникам и гостям
IV Международного русско-грузинского поэтического фестиваля
(Тбилиси- Кобулет, 20-29 июня 2010 года)**

Дорогие братья и сестры!

Сердечно приветствую всех участников IV Международного русско-грузинского поэтического фестиваля «Мир поэзии – мир без войны».

Ваш форум, объединивший известных литераторов из многих стран мира, призван высоким поэтическим словом свидетельствовать о том, что искренняя дружба и взаимопонимание между народами, которые скреплены единой верой Христовой и единством духовной традиции, останутся нерушимыми на века.

Взаимное стремление братьев к миру и добрососедству с помощью Божией преодолеет любые преграды и разделения, сколь бы непреодолимыми они ни казались.

Наследие русской и грузинской культур, тесно связанных одна с другой, взаимно обогащает народы. Пусть вдохновение современных наследников Пушкина и Руставели приумножит для потомков великие сокровища, которые оставлены нам предками. Благословение Божие да пребывает с вами и да направляет вашу работу к благой цели для упрочения мира и добрососедства между братскими народами России и Грузии.

+ *Кирилл*

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

НАШЕ ОТЕЧЕСТВО – РУССКИЙ ЯЗЫК

Четвертый год подряд в Грузии проходит Международный русско-грузинский поэтический фестиваль. Кажется бы, можно и привыкнуть. Но нет, не получается, и каждый раз радуешься заново, и удивляешься опять, и волнуешься как впервые. Только задумайтесь, отношения Грузии и России не становятся лучше, к несчастью, мы стали современниками невиданного политического противостояния, которого не могли себе ни представить, ни выдумать. Но мы же – и свидетели, и носители неизменного единства наших культур. А культура – это и есть нация, народ. И поэты продолжают дружить и объясняться друг другу в любви.

Фестиваль не кончается. Он уже стал традицией, не перестав быть чудом. Он проходил и перед войной, и после войны, и всем все доказал. Поэтам нет нужды мириться, потому что они не ссорились. Они хотят разговаривать, потому что им есть что сказать друг другу. «Невзорванными мостами» назвал отношения между поэтами Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II. Эти мосты не взорвешь. Они сегодня – одни из немногих, почти единственных, связующие нити между Россией и Грузией – настоящей Россией и подлинной Грузией.

Праздник поэзии, организованный Международным культурно-просветительским Союзом «Русский клуб», Международной федерацией русскоязычных писателей при поддержке благотворительного фонда «Карту», прошел в городах Грузии с 20 по 29 июня. Его участниками были около 60 литераторов из почти 30 стран мира.

Девизом нынешнего фестиваля стали слова «Мир поэзии – мир без войны». В этих словах - напоминание о нашей дружбе, о том, что в руках поэтов - по-прежнему

только перо, и к штыку его приравнять невозможно, и поэты все также приходят к нам только со словами любви. «... Мир без войны» - это и напоминание о Великой Победе, 65-летию которой были посвящены и весь фестиваль, и специальный музыкально-поэтический вечер «Помянем поименно», на котором звучали строки о мире, написанные в Грузии и Беларуси, Аргентине и России, Франции и Германии... Невольно вспомнилась последняя фраза героини пьесы А.Володина «Пять вечеров»: «Только бы не было войны...» Какой умогательной казалась она нам в годы нашей юности, какой актуальной она стала сегодня...

Первые дни фестиваля в Тбилиси стали подлинным подарком для любителей поэзии и для всех, кому важно слово поэта, кто любит русскую и грузинскую речи, кто ценит духовную связь России и Грузии и верит в будущее.

Благодаря видеомосту, на пресс-конференции, организованной РИА Новости по случаю открытия фестиваля, присутствовал, находясь в Москве, поэт Евгений Рейн, который сказал: «Вся жизнь русской поэзии связана с Грузией. Очень трудно назвать русского поэта, который не писал бы о Грузии. Очень часто она была приютом для русских поэтов, когда обстоятельства в России складывались для них мучительно, и Грузия всегда принимала их лучезарно. Видимо, это связано с менталитетом грузинского народа, для которого поэзия – очень важна, а поэт – значителен». «У поэтов – одно понятие страны, у политиков – другое. Фестиваль – явление светлое. У него нет прямого действия, но он устанавливает человеческие контакты, а это главное», - за-

У храма Св.Троицы

метил поэт Александр Кабанов (Украина). Писатель и переводчик Давид Маркиш (Израиль) обозначил конкретные задачи: «Меняются Союзы писателей, но не литература. Поэты по-прежнему прекрасны, а переводчики стали хуже. Мы не можем обмениваться призраками Заболоцкого и Пастернака. Мы должны пытаться возродить школу классного перевода». «Не надо искать в фестивале прагматические цели. Поэзия сама по себе не прагматична. Фестиваль – это русско-грузинский диалог и место встречи для литераторов из многих стран мира», - сказал Андрей Василевский (Россия).

Участники фестиваля выступали на Малой сцене театра им.А.С.Грибоедова, в стенах Тбилисского государственного университета имени Ив.Джавахишвили, в Муниципальном театре г.Рустави. Не знаю, навывступались ли поэты, но почитатели поэзии наверняка не наслушались. Как хотелось, чтобы песни Вероники Долиной, стихотворения Бесика Харанаули, Шалвы Бакурадзе, Бахыта Кенжеева, Александра Кабанова, Вадима Муратханова, Александра Остудина, Александра Радашкевича и других - длились, звучали, не заканчивались...

На аудиенции у Католикоса-Патриарха всея Грузии участники фестиаля получили в дар от Святейшего книгу «Как строился кафедральный собор Святой Троицы в Тбилиси», а сами преподнесли Илие II икону.

Поездка поэтов в Западную Грузию началась с посещения древней столицы Грузии – Мцхета, монастыря Джвари, и здесь прекрасным знанием истории блеснул президент МКПС «Русский клуб» Николай Свентицкий в роли экскурсовода, сыгравшего «с листа».

В Кутаиси состоялось чествование Отиа Иоселиани - выдающегося писателя и поэта, чье 80-летие отмечается в этом году. Его называют классиком и легендой. Это так, но не это самое важное. Важное – когда читаешь Иоселиани, понимаешь, есть надежда, что «арба не перевернулась», а слова «честь» и «достоинство» еще не утратили своего первостепенного значения. Президент

МФРП Олег Воловик вручил О.Иоселиани орден «Культурное наследие» - за вклад в мировую литературу, за утверждение идеалов гуманизма. «Мы сегодня встретились благодаря нашей любви. Что движет нами? Любовь», — сказал писатель. Эти слова стоит запомнить.

Фестиваль продолжился в Кобулет, Поты, Батуми... На сайте «Русского клуба» размещена полная информация о каждом дне фестиваля. Мы запомним поэтические чтения «Стихи у моря»; мастер-класс, проведенный для китературного объединения «Молот О.К.», на котором великодушными и требовательными мастерами выступили главный редактор «Нового мира» Андрей Василевский, лауреат национальной премии «Поэт» Олеся Николаева и лауреат премии «Триумф» Елена Исаева; «круглый стол» Александра Кабанова, поэта, главного редактора журнала «ШО» на тему «Поэзия – мейнстрим или неформат?» с блестящим резыме Б.Кенжеева (Канада), не побоявшегося быть простым и заметившего, что «единственным мериллом в творчес-

На приеме у Католикоса-Патриарха всея Грузии

тве является все-таки не жанр, не форма, не направление, а наличие или отсутствие таланта»; презентации авторского радиопроекта Юрия Вачнадзе и новой книги Юрия Юрченко (Франция)... Мы запомним, как слушали стихотворения на грузинском языке, и их не надо было переводить – звучание само по себе наполнялось смыслом, ритм и звукопись грузинской речи воспринимались ясно и ложились на слух, как молитва.

Мы это запомним. Но вспоминаться будет и другое – именно во время фестиваля, в тбилисском Дворце бракосочетания у памятника Александру Грибоедову на набережной Куры, были объявлены мужем и женой Олег Воловик и Ксения Захарова, теперь – Воловик-Захарова. Свидетелями на церемонии стали поэты Юрий Кобрин (Литва) и Валентина Поликанина (Беларусь). Молодых благословил Католикос-Патриарх Илиа II и преподнес им в подарок икону с изображением Святого Георгия. Семья Воловиков решила, если Бог пошлет им первенца-мальчика, назвать его Ильей...

Быть в Кутаиси, и не вспомнить Маяковского невозможно, и, конечно, гости фестиваля отправились к гим-

назии, где учился будущий поэт, возложить цветы к его памятнику. Шел дождь, зонты были далеко не у всех, но никто не спешил расходиться. И Маяковский зазвучал «во весь голос» - читали поэты. Прохожие, раскрыв рты, смотрели на неожиданное зрелище – в центре Кутаиси, под дождем, люди у памятника Маяковскому хором скандируют: «Светить всегда, светить везде, до дней последних донца!»... Это тоже запомнится.

А группе поэтов, которая выступала на сцене Потийского государственного театра им. В.Гуния, наверное, не раз вспомнится не только переполненный, горячо аплодирующий зал, но и зритель, заявивший: «Ради вас я готов водрузить на собственный дом российский флаг!»

Один из фестивальных дней прошел под светлой тенью навсегда покинувшего нас Нико Гомелаури, которого любил, нет, любит, не только грузинский зритель и читатель, но читатели и других стран, ведь благодаря фестивалю стихи Нико стали переводить особенно часто. Смерть артиста и поэта его товарищи по фестивалю

мер телефона, подстрочник грузинского стихотворения, который превратится в русское стихотворение, поцелуй на прощание – это все фестиваль. Его задачи просты, цели ясны, будущее определено – встречаться, общаться, переводить друг друга и никогда друг о друге не забывать. В конце концов, родина у нас общая. Как написала Римма Казакова специально для второго нашего фестиваля, «наше Отечество – русский язык». И тогда же точно заметил Дмитрий Быков: «Во время каждой новой поездки в Тбилиси мне все ясней, что куда бы ни повернула грузинская политика – главной доминантой двух культур, нашей и грузинской, остается их взаимное тяготение. Русских поэтов нигде не будут любить так, как в Грузии. Грузинскую литературу, кино и театр нигде не будут боготворить так, как в Москве. И именно эта связь, в конце концов, окажется решающей – перевесив и политические интересы, и геополитические расчеты...».

Ну, а место встречи изменить если и не нельзя, то не хочется – это Грузия, и это по-прежнему, как во време-

В этнографическом музее

У Пестрой бани в Старом Тбилиси

восприняли как личное горе. Как может соперничать поэт? Стихами. На вечере памяти звучали стихи, написанные в память Нико Александром Радашкевичем (Франция-Чехия) и Надей Поповой (Болгария), Риммой Марковой (Швеция) и Валентиной Поликаниной (Беларусь), Еленой Исаевой и Зауром Квижинадзе (Россия)... Состоялись две замечательные премьеры – премьеры песен на стихи Гомелаури. Верико Турашвили исполнила «Монолог артиста» на музыку Тенгиза Джаиани, а Сергей Светлов написал музыку на последние стихи Нико, написанные по-русски, - «Мы верим в жизнь». А в зрительном зале сидел юный и красивый Георгий Гомелаури и смотрел на сцену такими узнаваемыми глазами – глазами, как у отца...

Участники фестиваля передали в дар Национальному центру рукописей старинный фолиант, который, несомненно, украсит собрание его раритетов. В настоящее время фолиант находится на реставрации.

Память о прошлом и взгляд в будущее, прозвучавшее слово и сотворенное дело, живой голос любимого поэта и его улыбка, обращенная именно к тебе, рукописание и записанные в блокнот электронный адрес и но-

мер Маяковского, Есенина, Пастернака, Табидзе, Яшвили, - волшебное, заповедное место ежегодных счастливых встреч.

Поэты встречаются и на других фестивалях, но, наверное, только на грузинском фестивале собирается такая замечательно пестрая компания литераторов, работающих совершенно в разных жанрах, исповедующих такие разные принципы творчества, и именно на грузинском фестивале отчетливо понимаешь, как неважно, кого ты читаешь и слушаешь – авангардиста или традиционалиста... Прав Кенжеев - только бы талантливо.

Теперь, по прошествии четвертого русско-грузинского фестиваля поэзии, можно сказать, не боясь сглазить: у нас появился еще один способ отсчитывать время – от лета до лета, от фестиваля до фестиваля. «Все врут календари», но наш не соврет. Придет следующее лето, и придет очередной праздник поэзии, который выдержал проверку - устоял перед войной, не прогнулся под миром, не испугался угроз, не возгордился от похвал... Он теперь просто есть, и все тут. Праздник поэзии. И похоже, что он из тех праздников, которые всегда с тобой.

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

БЕСЕДОВАТЬ С ИНТЕРЕСНЫМ ПОЭТОМ-ДЕЛО РАДОСТНОЕ И ИНТЕРЕСНОЕ. КАК ПРАВИЛО, НЕЧАСТОЕ. ЗАЧАСТУЮ НЕБЛАГОДАРНОЕ. БОЛЬШИНСТВО ПОЭТОВ ПРЕДПОЧИТАЮТ ПИСАТЬ СТИХИ, А НЕ РАССУЖДАТЬ О НИХ. И ВСЕГДА – УДИВИТЕЛЬНОЕ. И КОГДА ВЫПАДАЕТ РЕДКИЙ СЛУЧАЙ УСЛЫШАТЬ, КАК САМИ ПОЭТЫ РАЗГОВАРИВАЮТ О ДЕЛЕ СВОЕЙ ЖИЗНИ, ЧУВСТВУЕШЬ СЕБЯ КОЛУМБОМ. СКОЛЬКО ЖЕ, ОКАЗЫВАЕТСЯ, ЕЩЕ АМЕРИК В ПОЭТИЧЕСКИХ ДЕЛАХ... БОЛЬШИНСТВО ПОЭТОВ НЕ ЖАЛУЕТ ДОЛГИХ РАЗГОВОРОВ НА ОКОЛО- И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ТЕМЫ. КАК ЗАМЕЧАЛ В ПОДОБНЫХ СЛУЧАЯХ ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ, «ВСЕ, ЧТО Я ХОТЕЛ СКАЗАТЬ, Я НАПИСАЛ». И ВСЕ ЖЕ... «ПОЭЗИЯ – МЕЙНСТРИМ ИЛИ НЕФОРМАТ?» - ЭТА ТЕМА «КРУГЛОГО СТОЛА», ВЕДУЩИМ КОТОРОГО СОГЛАСИЛСЯ СТАТЬ АЛЕКСАНДР КАБАНОВ, - ИЗ РАЗРЯДА ЛЕЖАЩИХ НА ПОВЕРХНОСТИ. НО ЭТО ИМЕННО ТОТ ВОПРОС, ПО ПОВОДУ КОТОРОГО У КАЖДОГО ЕСТЬ СВОЯ, СОВЕРШЕННО ЛИЧНАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ. «МЕЙНСТРИМ» - ЭТО ОСНОВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ, ПОПУЛЯРНОЕ ЯВЛЕНИЕ. «НЕФОРМАТ» - ОСОБОСТЬ, НЕПОХОЖЕСТЬ, ШТУЧНЫЙ ТОВАР, АВТОРСКАЯ РАБОТА. ТАК ЧТО ЖЕ ТАКОЕ ПОЭЗИЯ? ПОСЛУШАЕМ САМИХ ПОЭТОВ.

И ЗВЕЗДА С ЗВЕЗДОЮ ГОВОРИТ

Александр Кабанов (Украина). Что бы я не набирал в интернет-поиске, связанное с мейнстримом и неформатом, встречаются абсолютно разные точки зрения. Каждый под этими словами подразумевает, понимает что-то свое. Вот я спрашиваю у казанского поэта Остудина: «Ты мейнстрим или неформат?». Я задаю прямой вопрос.

Алексей Остудин (Россия). Ты как-то сказал, что мейнстрим – попса. Это действительно попса.

А.Кабанов. Это не я сказал. Это определение википедии. Вы можете назвать ряд поэтов, которые принадлежат к направлению мейнстрима?

А.Остудин. Это наши великие – Евтушенко...

А.Кабанов. А Бродский?

А.Остудин. Нет. Эпигоны Бродского, повтор – это мейнстрим. А когда человек один выходит на дорогу – это совсем другое дело.

А.Кабанов. Римейк и мейнстрим – это разные вещи. Бродский – популярный поэт?

А.Остудин. В узких кругах все-таки. Мейнстрим – это что-то, понятное всем. Бродский понятен не всем. Мейнстримом стала его личность.

А.Кабанов. Пастернак – мейнстрим?

А.Остудин. Как личность. Но как поэт нет, конечно.

А.Кабанов. А кто входит в круг поэтов неформата?

А.Остудин. Сейчас нет неформата. Из молодых – наверное, Поляков. Постарше – Кальпиди. Естественно, Парщиков.

А.Кабанов. А Кенжеев?

Елена Исаева

А.Остудин. Конечно, мейнстрим.

А.Кабанов. Бахыт Шкуруллаевич, что вы думаете по этому поводу?

Бахыт Кенжеев (Канада). Все сводится на самом деле к знаменитым дискуссиям, благодаря которым Тынянов написал об архаизме и новаторстве. Всем известно, что новаторы становятся архаистами со временем, возникают некие новаторы в языке, в стиле по сравнению с бывшими новаторами... С этой точки зрения без Тынянова вся дискуссия становится бессмысленной. Нужно обращаться к тому, что было наработано в 20-30-годы нашими так называемыми формалистами. Вопрос о том, Бродский формат или неформат, мейнстрим или не мейнстрим – это по сравнению с чем?

Игорь Эбаноидзе (Россия). Надо понять – в чем мейнстрим? Он существует в определенных пределах, пространстве. Говорить о культуре вообще...

А.Кабанов. Давайте о современной поэзии.

И.Эбаноидзе. Срез современной поэзии очень разный. В верлибровой тусовке человек, который будет писать традиционными стихом и рифмой, будет неформат.

А.Кабанов. Речь идет не о тусовке...

И.Эбаноидзе. К сожалению, приходится говорить о том, что грубо можно назвать именно тусовками, более академично – объединениями, школами... Распределе-

ние у нас на сегодняшний день такое – в каждом из этих маленьких течений, протоков есть свой мейнстрим, который может быть неформатом для другого.

А.Кабанов. Получается, что грузинский фестиваль поэзии – это некая тусовка...

И.Эбаноидзе. Этот фестиваль очень странный, потому что тут перемешаны абсолютно разные тусовки. Тут встречаются люди настолько архаичные по отношению к любому современному течению, которые пишут так, как будто...

Б.Кенжеев. Северянина не было.

И.Эбаноидзе. А есть и люди из современных течений.

А.Кабанов. А конкретно, кто эти персоналии? Я пытаюсь вывести вас на конкретный разговор, потому что у каждого абсолютно разные мнения по поводу мейнстримов и неформата. Это все равно, что говорить о Боге. Подходы разные к великому дискуссии. А подходы вкусовые, типа что нравится больше – борщ или пельмени? Кенжеев, Остудин – это мейнстрим или неформат?

И.Эбаноидзе. По сравнению с чем...

А.Кабанов. Как это? Я не могу задать параметры в вакууме.

И.Эбаноидзе. Ну хорошо. Мейнстрим – это Остудин. Хотя к попсе это не имеет никакого отношения. Мы говорим, имея в виду традицию большей встроенности в то, что привычно, что на слуху, или о большем наличии собственного голоса. Вот на этом фоне Олеся Николаева – это неформат.

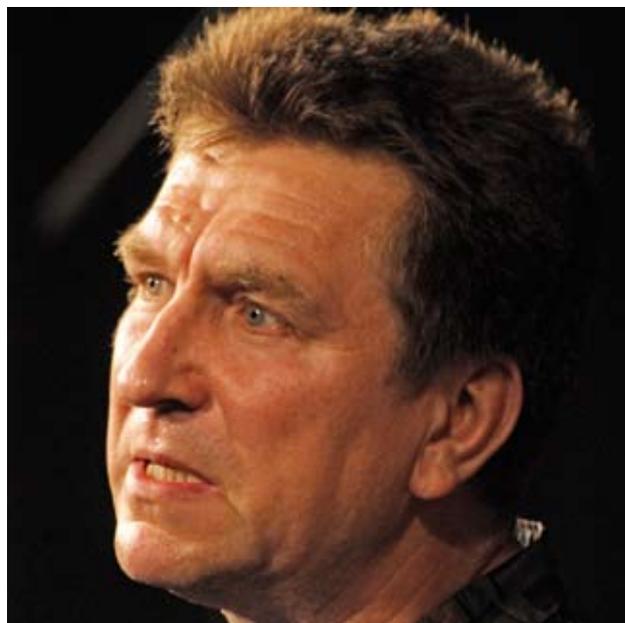
Олеся Николаева (Россия). Ну раз уж вы меня упомянули, я вот что хочу сказать. В 80-ые годы меня называли «отличницей стиха». А потом я стала этот стих «разбалтывать» и стремилась к поэтике псалтири, к ее ритмике, звучанию. Есть вечная подоснова жизни, и есть то, в чем она выражается, разные формы. Тогда это выглядело

Сергей Чупринин

совершенно дико, и культурнейший человек, мой редактор в «Советском писателе», был в ужасе и говорил, что так нельзя писать, что это как будто стилизовано под какое-то графоманское письмо. Это был действительно неформат. А через 15-20 лет после этого я увидела, что

только ленивый уже так не пишет. Конечно, это стало мейнстримом. Я думаю, что поэт в поисках своей интонации, своего голоса неизбежно начинает делать какие-то иррациональные протестные жесты, жесты отталкивания от общего автоматизма письма, выворачивания литературного штампа, но постепенно это, входя в нашу

Алексей Остудин

поэтическую реальность, действительно начинает становиться мейнстримом, и тогда ставится другая задача – как бы не стать эпигоном своих эпигонов, как уйти с этой территории, которая изначально была твоей, но которая теперь заселена огромным количеством людей. Я думаю, что это совершенно закономерное взаимодействие того, что называется традицией, существования в традиции и, наоборот, отталкивания, выныривания из этой традиции, уходом от нее как угодно – в верлибр или в суперрифмованный стих. Тут уже нужно нащупывать новый пласт, находить новое звучание.

А.Кабанов. Вадим, что думаете вы по этому поводу?

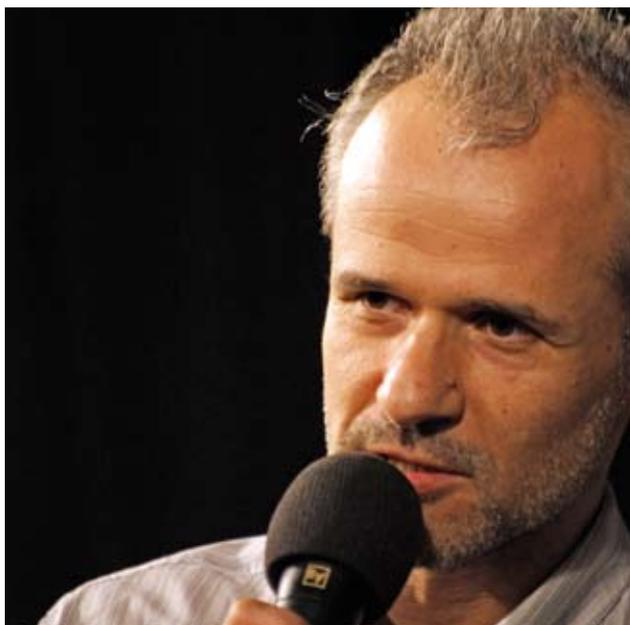
Вадим Муратханов (Узбекистан). Понятия очень широки. Я согласен со многими. Сегодня мейнстрим, завтра – это неформат. Если попробовать сменить ракурс, когда какой-то географический критерий пытаешься включить, то это видно, лакмусовая бумажка буквально. Вот есть, к примеру, Москва. Поэты ходят на поэтов и то, что они читают и слышат в основном в этом контексте является мейнстримом. Те же самые поэты, выезжая на какой-то фестиваль в русскую провинцию, превращаются для публики в неформат. Автоматически. Идет какое-то переключение в плоскости восприятия. Там мейнстрим – это что-то другое, какие-то местные корифеи, а приехавшие кажутся формалистами иногда, авангардистами, кем угодно. То есть время неодинаково течет, литература развивается в разных точках пространства, в частности, русскоязычного, неодинаково, и это интересная лакмусовая бумажка.

Б.Кенжеев. Несколько замечаний. Подобная дискуссия очень сильно сбивается сразу с литературоведческой, критической на дискуссию между тусовками. Потому что слово мейнстрим придумано неудачниками,

которые считают, что их никто не понимает, не хочет слушать, не хочет печатать, и они тусуются между собой, потому что они новаторы. Но пардон. В этом плане никакого мейнстрима нет. Есть талантливые поэты и неталантливые... Абсолютно верно сказала Олеся, что неформат становится мейнстримом. Ну куда больший мейнстрим, чем Бродский сегодня? А ведь он был ужасно нетрадиционный, реальный новатор. Сегодня его растащили на куски и восемь из десяти поэтов пишут под Бродского. Кстати, очень интересно Вадим сказал по поводу географии. Например, Херсонский или Кекова. Их в Одессе и в Саратове не очень любят, нет пророков в своем Отечестве. Там они неформат. А на всероссийской сцене они мейнстрим. Так что разбирайся, не разбирайся... По мне, так главное мерило, повторю, это действительно талант. Раз уж здесь говорят о личностях, то Цветков – ярый модернист, а я – ярый традиционалист. Так какого черта мы сорок лет дружим и очень другу друга любим? В том числе и как поэтов. Когда появился хулиган Кабанов лет шесть назад, который действительно хулиган в поэзии, новатор, неформат, в «Московском времени» его сразу очень полюбили. Потому что дело не в этом. Ужасно много есть жулья, может быть подсознательно они жулики, я не знаю.

А.Кабанов. Концептуалисты. Шабашники.

Б.Кенжеев. Концептуалисты не все жулики. Финш-

Игорь Эбаноидзе

тейн, например, не жулик. Я не могу сказать, что я люблю его стихи, но он не жулик.

А.Кабанов. А Кибиров?

Б.Кенжеев. Кибиров совсем не жулик, а Пригов был жулик. Но жулик гениальный. Когда ушел от нас Дмитрий Александрович Пригов, я очень сильно запечалился и сказал: Был у нас гениальный жулик, но с совестью и честью. А на смену придут люди и без таланта, и не любящие поэзию, и без совести.

А.Кабанов. Будут распиливать бюджет русской поэзии.

Б.Кенжеев. Да. Ей-богу я не хочу сбиваться на разговор, какая тусовка... Появляются замечательные новые русские поэты. Кроме того, когда ругают мейнстрим, го-

ворят, вот эти обоймы стариков, сидят на своих лаврах... Каждый из моих друзей за время своей жизни менялся минимум три-четыре раза, превращаясь в совершенно другого поэта. Но из мышьиной-крысиной норы этого не видно.

А.Кабанов. Андрей Витальевич, у вас есть, что сказать?

Андрей Василевский (Россия). Есть. Для того, чтобы говорить сегодня о мейнстриме и неформате, необходимо как условие некое согласие внутри культурного сообщества относительно ну хотя относительно десяти современных поэтов, чего в настоящее время нет. Если мы представим себе гипотетический опрос экспертов (с другой стороны есть и реальные аналоги), критиков, поэтов, издателей, занимающихся современной поэзией – зададим два вопроса: - хороших поэтов сейчас пять или пятьсот? Если их пять, то как их зовут? Ответы, я вам ручаюсь, будут выглядеть так: эксперт отвечает – какие пятьсот, конечно, пять и зовут их А, Б, В, Г, Д. Спрашивают второго эксперта – их и пяти-то нет, их всего-то трое, и зовут их Е, Ж, З. Третий отвечает, есть всего один, и зовут его И. И все так и продолжается. Когда мы опросим таким образом пятьдесят – или сколько их там – экспертов, и начнем подводить итоги, мы увидим парадоксальную вещь, что каждый из опрошенных категорически настаивает, что поэтов хороших один, два, три, максимум пять, но поскольку каждый называет все новые и новые имена, а переключки минимальные, то в результате мы получаем список в пятьсот поэтов, которые все хорошие. В этих условиях не может быть ни мейнстрима, ни неформата. Вот и все.

Борис Казинец (США). Я человек не знающий поэтические ваши все дела, но я практик. Я всю свою жизнь читаю стихи разных авторов. Я вам расскажу любопытную историю. Когда я в 91-м году приехал в Америку, то где-то месяца через три-четыре ко мне подошла группа из 10-15 человек очень интересного вида, солидных, как потом выяснилось там были доценты, профессора. Эмигранты. И сказали: «Мы узнали, что вы, оказывается, артист. Вы связаны с театром, с поэзией. Не могли бы вы нас организовать и мы что-нибудь сделали. Сколько можно ходить по фли-маркетам и выискивать бытовые вещи. И когда мы собрались первый раз, я спросил, а что бы вы хотели, какой поэтический вечер. Как вы думаете, кого они назвали? Вопрос на засыпку.

Из аудитории: Евтушенко? Бродский? Юз Алешковский?

Б.Казинец. Ничего подобного. Сергей Есенин. Я ожидал всего, но не того что эти люди мне скажут – Есенин это моя страсть. Когда было 75-летие со дня рождения Есенина, я вел грандиозный вечер в Константиново. Для меня Есенин – это моя жизнь. И скажите мне, в чем же дело? Что такое формат или неформат? Самое главное, что этот вечер прошел.

А.Кабанов. Мы подошли к каким-то моментам, я упоминал в контексте нашей дискуссии книжку Чупринина, где все четко изложено. Я, читая, спорил. Скачал пиратскую версию в интернете, о чем доложил автору Сергей Иванович?

Сергей Чупринин (Россия). Саша, не буду пересказывать, что я написал. Тем более, что я уже забыл. Мне кажется, что все стало приобретать какие-то разумные очертания. Тема мне казалась бредом. Лишнее слово – или. Я бы поставил через запятую – мейнстрим, неформат. Или через соединительный союз и. Здесь много

было сказано разумного. Я солидаризируюсь с отцом Владимиром, с Олесей, с Бахытом. Но я продолжу вот какую мысль. Начиная с перестройкой, гласностью и появлением гражданских свобод, появилась свобода эс-

Олеся Николаева

тетическая. Вернее, она была всегда, но принадлежала каким-то отдельным индивидуумам. Сейчас эта свобода охватила все население, умеющее читать. У каждого есть своя иерархия ценностей, свой вкус, свое понятие. Началось время, которое можно было бы назвать временем разбрасывать камни. Но это время всем надоело изрядно. Хочется некоторой упорядоченности смысла и внутреннего согласия. Я рассказывал как устроена премия «Поэт». Она построена как премия согласия между разными людьми. Попробуем договориться хотя бы в чем-то. Не попробуем показать свою неповторимую индивидуальность в своем вкусе и выборе, а хотя бы сойдемся в некоторых общих темах. Для нас принципиально важно, чтобы каждый член жюри обязан назвать два имени, не делимых на первое и второе. Либо тот либо этот. То есть он внутренне, морально готов принять третьего, четвертого, пятого. Раскрою страшную военную тайну – премия вручается уже шесть лет и есть члены жюри, которые всегда называют имена, еще ни разу не получившие награду, а есть члены жюри, которые уже исчерпали весь свой список и уже не понимают за кого голосовать. Те поэты, кому они отдавали свои голоса, уже все получили. В жюри 15 человек – разных. Понятно, что Олеся Николаева смотрит на поэзию иначе, чем Кирилов. Или, если угодно, чем Владимир Новиков. Потенциально каждый раз может быть названо 30 человек. Страшная угроза, о которой говорил Андрей, что будет 500, но никогда не было больше 11. Мне кажется, что актуальная задача для членов литературного сообщества не как ярких индивидуальностей-поэтов, а просто как участников процесса – это пробовать находить места согласия и жить хотя бы с тем немногим, о чем нам удалось договориться.

Елена Исаева (Россия). Мне кажется что язык – это инструмент, а не самоцель. Поэтому для меня главное – это сообщение, зашифрованное в некоем тексте.

Для того, чтобы это сообщение озвучить, нужны мейнстримные инструменты, чтобы меня поняли многие и мне нужен неформат, и тогда я буду биться головой об стену или изобретать какой-то свой язык, который нужен именно для этого сообщения. Я не знаю, в чем тут спор.

Б.Кенжеев. Это и есть путь поэта, Леночка. Вечная дилемма.

Юрий Юрченко (Франция). Когда человеку плохо или хорошо, он берет с книжной полки и перелистывает любимое. У нас странная тусовка. Прости меня, вчерашний именинник, Леша, я тебя очень люблю, но я увидел, как ты боишься быть простым. А ты жутко интересный. И как все бояться быть простыми. А я вот вчера открыл стихи Василевского, и услышал эту неповторимость и голос. Спроси меня, что это – мейнстрим или неформат? Да в гробу я это видел! За душу взяло, извините за примитив. А сегодня я открыл Римму Маркову, и увидел, что поэт не боится быть простым, быть собой, очень индивидуальной и традиционной только внешне. Женя, Женя, одиноко, не спасают и враги, нет ни Пушкина, ни Блока, только Кедров и Айги. Ни дыханья, ни движенья, ни воздушных кораблей, мы живем во время, Женя, серых голых королей. Вот такая вам конфета. Вот такие пироги. Ни Цветаевой, ни Фета. Пригов, Кедров и Айги. А вот придет сегодня человек, который банально срифмует водка-сеledка, кровь – любовь, и какая разница как он называется... Простите, я так банально говорю...

Александр Кабанов

А.Кабанов. Спасибо, Юра. Это очень интересно.

Б.Кенжеев. Одно из определений поэзии звучит так: Превращение смысла.

А.Кабанов. Знакомые слова.

Б.Кенжеев. Я вспомнил историю футуристов – остался один Маяковский, из символистов остался один Блок, из акмеистов – Мандельштам. Когда ты разрабатываешь новое орудие, за ними обязательно должно стоять, что тебе есть сказать. Совесть надо иметь. Многие, выдающие себя сегодня за неформат, им нечего сказать, кроме как поиграть словами, да и то не очень талантливо.

Записала Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

СОВЕТ ДА ЛЮБОВЬ!

«Мою любимую Ксюшечку мечтаю иметь своей женой и идти с ней рядом до конца жизни!» - сказал жених, нежно глядя в глаза возлюбленной. «Я хотела бы, чтобы Олег был счастлив со мной!» - прошептала сияющая от радости невеста и расплакалась.

Клятвы верности, обмен кольцами, танец, тост на брудершафт... Обаятельная Майя Абжандадзе, главный специалист Дома бракосочетания города Тбилиси, не скрывала особого удовольствия, соединяя узамы Гименя писателя, публициста, президента Международной федерации русскоязычных писателей Олега Волювика и певицу Ксению Захарову. Их бракосочетание стало радостным событием IV международного русско-грузинского поэтического фестиваля. Тем более, что Ксению и Олега благословил сам Католикос-Патриарх всея Грузии, Святейший и Блаженнейший Илия II.

Принимая из рук Майи Абжандадзе свидетельство о браке, на котором напечатан герб Грузии, Олег Волювик

отметил:

- На гербе Грузии есть Георгий Победоносец, один из главнейших христианских знаков – символ победы добра над злом. Я убежден в том, что добро всегда победит зло. Этим символом мы теперь будем обладать, и для нас это очень важно. Мы хотели пожениться еще два года назад в Сигнахи, городе любви. Там есть замечательный ЗАГС, в котором пары могут регистрировать двадцать четыре часа в сутки, то есть, в любое время, когда захотят. Познакомились мы с Ксенией не в Грузии, однако наши отношения укрепились именно на русско-грузинском поэтическом фестивале в 2008 году... Попав в Сигнахи, мы решили воспользоваться ситуацией и пожениться, но у нас тогда не было необходимых документов. В нынешнем же году мы подготовились, как следует, привезли нужные бумаги. Наши грузинские друзья подсказали, что необходимо сделать, перевели документы на грузинский язык, заверили их у нотариуса.

И все-таки мы не были до конца убеждены, что бракосочетание возможно. Поэтому никому заранее ничего не сказали. Но в Тбилиси к нам отнеслись исключительно доброжелательно. Грузинские официальные органы сделали со своей стороны все, чтобы бракосочетание состоялось. Конечно, в рамках закона, так или иначе, закон нужно было соблюсти и сделать для этого ряд необходимых шагов. А свадебное платье и кольца были куплены буквально за полчаса до бракосочетания.

Ксения Захарова, очаровательная женушка Воловика, родом из Пермского края. С шести лет поет народные песни, следуя примеру бабушки и мамы, которые тоже исполняли фольклор...

- Русская песня – это моя жизнь, моя душа. Я болею за нее, – признается Ксения. – И всю жизнь буду стремиться к тому, чтобы доносить ее до народа, в том числе и до грузинского. Потому что грузины очень любят народную песню. Я убедилась в этом в прошлом году – на концерте меня принимали на ура! Спасибо всем большое!.. Не знаю, хорошо это или плохо, что все у нас произошло так спонтанно, однако приятно, что ни у кого такой свадьбы, как у нас, не было!

- *А почему все-таки Грузия?* – спрашиваю Олега Воловика.

- Почему Грузия? Наша любовь к этой земле и к людям, которые нас окружают, выразилась таким образом. Мы с большим уважением, любовью, доверием относимся к этой стране, к этим людям. Важно то, что все происходит в дни фестиваля. Может быть, сам факт, что наша с Ксенией любовь окрепла в Грузии, именно в дни поэтического фестиваля, станет крупницей добра в отношениях между народами. Мы решили именно здесь закрепить узами брака наше взаимное чувство, наше решение быть вместе...

- *Причем в Доме бракосочетания рядом с памятником Александру Грибоедову.*

- И это символично. Тем более, что все происходит в дни международного русско-грузинского поэтического фестиваля...

- *...в котором вы принимаете участие в четвертый раз.*

- Да, это так... А тут еще получился случайный расчет – ведь гости в любом случае на фестивале присутствуют! И это очень здорово. Свидетели – наши друзья, в том числе грузинские: Манана Дараселия, Манана Пруидзе, Рамаз Дурглишвили, а также из Литвы, Беларуси, России. С ними мы сблизилась на русско-грузинском поэтическом фестивале, на прежних наших творческих встречах в разных странах. Уже существует история наших добрых отношений. Если бы мы делали такой фестиваль в Москве, вряд ли с нами были бы прекрасный поэт из Литвы Юрий Кобрин или великолепная поэтесса из Беларуси Валентина Поликанина. А здесь нам представилась редкая возможность сделать нашу свадьбу международным событием.

- *Вы автор исторических монографий. Недавно вышла в свет ваша книга «Великая княгиня Александра Павловна. Жизнь. Семья. Судьба. Память». Откуда у вас интерес к исторической теме?*

- Я занимаюсь определенными вехами истории – диаметрально противоположными, касающимися раз-

ных эпох и пластов. Книга, о которой вы говорите, – это XVIII – начало XIX века. Она является неким анализом династических связей в Европе, их влияния на внешнеэкономическую деятельность России, ее результаты. Это большое историческое исследование. Другое исследование, над которым я работаю уже около девяти лет, пока не вышло. Это очень сложная, невероятно трепетная тема. Мне хочется все больше и больше работать, и постоянно приоткрываются какие-то новые страницы. Это связано с печальным периодом истории – 1944 год, Будапешт, Холокост, Рауль Валленберг, Карл Лутц, Бен Ласка и другие. Моя жизнь сложилась таким образом, что я попал в Будапешт, где происходили эти печальные события при режимах Миклоша Хорти и Ференца Салаша. Я не могу оставаться спокойным, прикасаясь к этим страницам истории. Невозможно не углубиться в нее, и материал растет как снежный ком! Остановиться неммыслимо. Это огромное количество документов, свидетельств, аудиозаписей, фотографий, всевозможных материалов, которые я собрал в разных архивах Венгрии, Израиля, США, Аргентины, Германии, Австрии. Все это требует обобщения, анализа по тем направлениям, ко-

На приеме у Илии II

торые предполагает план моей работы в этом контексте. По самым скромным подсчетам книга сейчас могла бы состоять из более чем 1000 страниц. Одновременно я занимаюсь другой темой – это божественный дар виноградной лозы. Книга будет называться «Золотая книга истории, традиций и искусства венгерского виноделия». Это также огромная коллекция различных материалов, бесконечных встреч. Там будет отражена история виноделия вообще, а также виноделия в религии, виноделия в монументальном и изобразительном искусстве, в поэзии. Это также культура потребления, бутылки, бочки, пробки – огромнейший пласт работы! Надеюсь, Господь

даст мне сил, чтобы довести начатую работу до логического завершения.

- Вы писатель и общественный деятель. Не мешает ли одно другому?

- К сожалению, мешает. И как бы отдалает осуществление многих замыслов. Ведь в сутках всего 24 часа. Так сложилось, что я не могу ложиться раньше трех часов ночи. Нужно больше заниматься зарядкой, меньше пить вина. Несмотря на то, что книга о вине располагает к тому, чтобы его, по крайней мере, пробовать.

- Вы историк по образованию?

- Нет, по образованию я инженер-механик, по другому – журналист. Но так сложилась моя судьба, что я, начав в качестве журналиста, стал писать книги. Обо мне говорят, что я писатель. Но мне себя называть писателем неловко. Иной раз человек провозглашает себя писателем, а почитаешь его творения и думаешь: уж лучше бы он оставался

Поздравления от друзей

На Сухом мосту

читателем.

- Историю сегодня писать не просто – столько еще белых пятен, в то же время одни и те же события трактуются совершенно по-разному!

- Стараюсь... Я привел бы вам такие примеры, когда мои посещения вызвали у людей состояние, близкое к инфаркту. Представьте себе, что я прихожу к какому-нибудь человеку через 60 лет, зная, что он в силу каких-то, возможно, вынужденных обстоятельств, способствовал фашистской Германии или салашистам, и спрашиваю его, как все происходило и как ему удалось уйти от ответственности. Можно представить, что он при

этом чувствует. Но это отдельная история...

- Как мне известно, Международная федерация русскоязычных писателей разработала специальную программу «Всемирное культурное наследие, фундаментальные ценности и русский язык», в рамках которой по всему миру планируется устанавливать памятники Пушкину...

- В прошлом году Международная федерация русскоязычных писателей установила пять памятников Пушкину в разных странах мира – два в Москве и Московской области, а также в Македонии, Панаме, Венгрии. Впереди у нас Греция, Румыния, вновь Македония, где мы поставим памятник Чехову, а также Италия, Северная Корея, Кот-д'Ивуар... Мы наметили себе 61 страну!

- В чем вы видите главный смысл этих акций?

- Это путь создания островов русской культуры в разных странах мира. Я бы сказал, что русская культура – это государство в культуре, а памятники – это культурные государственные флаги, устанавливаемые в разных странах. Создание этих островов в странах, где существует наша огромная диаспора, необходимо. Ведь на этих островах могло бы найтись место, где бы они могли собираться, общаться, читать стихи и т.д.

- Что скажете о русско-грузинском поэтическом фестивале?

- Наша жизнь устроена таким образом, что мы живем ожиданием встречи от фестиваля до фестиваля. То есть мы живем надеждой, что в очередной раз у нас состоится новый русско-грузинский поэтический фестиваль, что мы снова соберемся в Грузии.

Инга БЕРИДЗЕ

Фото Михаила БОЛДЫРЕВА, Гога ЧАНАДИРИ

ВЕСНОЙ ТБИЛИССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РУССКИЙ
ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР
ИМЕНИ А.С.ГРИБОЕДОВА
СТАЛ УЧАСТНИКОМ
V МЕЖДУНАРОДНОГО
ФЕСТИВАЛЯ РУССКИХ ТЕАТРОВ
«СООТЕЧЕСТВЕННИКИ», КОТОРЫЙ
КУРИРУЕТ УДИВИТЕЛЬНАЯ,
ЯРКАЯ ЛИЧНОСТЬ, ПИСАТЕЛЬ,
ТЕАТРОВЕД, ГЛАВНЫЙ
РЕДАКТОР ЖУРНАЛА
«ИНЫЕ БЕРЕГА»,
ШЕФ-РЕДАКТОР ЖУРНАЛА
«СТРАСТНОЙ БУЛЬВАР, 10»
НАТАЛЬЯ ДАВИДОВНА
СТАРОСЕЛЬСКАЯ, ГОСТЬ НАШЕГО
ПОЭТИЧЕСКОГО ФЕСТИВАЛЯ.

КТО, ЕСЛИ НЕ Я?

- Это была моя давняя идея – вовлечь в орбиту внимания русские театры, расположенные в странах ближнего и дальнего зарубежья. Когда распалось единое понятие «Советский Союз», я поняла, что эти театры остались фактически без внимания. Национальные театры входят в Конфедерацию театральных союзов, русские театры - никуда. И у меня возникла идея этого фестиваля. Я поняла, что проводить его надо не в Москве. Москва – город сытый, равнодушный. Петербургский «Балтийский дом» - фестиваль замечательный, но публики-то в зале мало! А что делается в Саранске, вы видели. Такая ситуация сложилась, конечно, не сразу. Почему именно Саранск? Одна из величайших фигур XX века – ученый Михаил Михайлович Бахтин - пребывал в лагере в Мордовии, недалеко от Саранска. Саранское издательство первым начало печатать его книги в 70-е годы. К тому же Саранск связан с фантастическим скульптором Степаном Эрзей, соединившем в себе множество культур – он работал во Франции, Аргентине. Но мне тогда возражали: «Саранск – нетеатральный город. Вы не найдете там зрителя». «А мы постараемся!» - убежденно сказала я. Потом я познакомилась с директором русского театра Мордовии Сергеем Игонькиным, с главным режиссером Андреем Ермолиным – они сами ко мне пришли и предложили провести фестиваль в Саранске. У меня аж сердце остановилось... Глава администрации Мордовии Николай Иванович Меркушкин, изумительный, интелли-

гентный человек, понял, что это именно то дело, в которое стоит вкладывать деньги. Мне этот фестиваль очень дорог. Я начинаю готовиться к нему уже в сентябре, и это семь месяцев тяжелейшего труда, когда я отсматриваю диски с записями спектаклей, веду переговоры с театрами. У нас уже побывали театры практически из всех стран СНГ и Балтии, кроме Литвы и Таджикистана. Сначала у нас была идея собрать на пятом юбилейном фестивале театры, которые пользовались в Саранске наибольшим успехом, а потом поняли, что этого делать нельзя. У кого-то из этих театров нет ничего нового, а показывать тот же спектакль во второй раз не имеет смысла. За пять лет Саранск фактически превратился в одну из театральных столиц России.

- А каково, по-вашему, состояние современной театральной критики?

- Сегодняшняя театральная критика в Москве и Петербурге находится в состоянии катастрофическом. У нынешних начинающих критиков, театроведов совершенно отсутствует культурный фундамент - педагоги не дают им этого. Не потому, что сами некомпетентны. В конце концов, им преподает замечательный театровед,

умница Борис Любимов! Но, видимо, он считает, что начинающим критикам этого не надо... Следующее за нами поколение критиков, с которыми я могу в чем-то не соглашаться, тем не менее, талантливые люди. Это Должанский, Заславский, Давыдова... Но таких единицы. А дальше вообще пустыня, выжженная пустыня! Боюсь, что перспектив у театральной критики просто нет.

- *Наталья Давидовна, а как семинар критиков, который вы уже долгое время ведете?*

- Его международный статус сильно потускнел. У меня всего два человека из-за рубежа – из Украины и Молдавии и четырнадцать человек из разных уголков России... Мой семинар почти полностью обновился. Потому что теперь решили, что с одним и тем же человеком нужно заниматься не больше, чем два года. Сейчас у меня семинар просто коллекционный! Ребята настолько восприимчивые, что мне не нужно их даже на что-то настраивать. Мы изначально настроены на одну и ту же волну. Конечно, у нас могут быть какие-то разночтения, но семинар невероятно интересно проходит. Мои семинаристы даже открыли сайт «Дети Старосельской». Они туда выкладывают фотографии, пишут, что они думают про меня, объясняют мне в любви, ведут переписку друг с другом. Эти встречи происходят два раза в год. В ноябре мы вновь встречаемся в Казани.

- *Как вы считаете, состояние критики связано с состоянием театра?*

- Конечно. Когда мне говорят: «это несовременно! это старомодно!», я этого не понимаю. Есть понятие русского психологического театра, единственного в мире, гениального. В рамках этого театра может быть все, что угодно. Но все равно это должно быть психологически обосновано, пропущено через голову и сердце. Иначе это не театр. Современный театр часто дает лишь набор картинок.

- *В Грузии далеко не все принимают психологический театр как таковой, считают его скучным, старомодным...*

- В грузинском театре есть свои потрясающие традиции, и поэтому если театр будет питаться только ими, этого будет для него вполне достаточно. А психологический театр не может быть скучным, потому что говорит о человеческих взаимоотношениях. В конце концов, существуют вечные темы – таинство рождения, жизнь, любовь и таинство смерти. А больше человечество ничего и не выдумало. Наша страна очень долгое время была закрытой. Мы почти ничего не знали о том, что происходит на Западе. Потом железный занавес пал, и мы стали все «оттуда» хватать, потому что очень хотелось наверстать упущенное. Ведь всегда кажется, что где-то лучше, чем у нас. Значит, мы должны все «заграничное» взять, вплоть до мелочей – начиная от кока-колы и кончая театральной школой. Там не надо погружаться в психологию, размышлять о каких-то глубинах – достаточно схватить верхний слой характера и на этом строить свою роль.

Но это для русского театра неестественно, как неестественны для нас все эти «фаст-фуды». Потому что у всех существуют свои национальные традиции, и нужно уметь их как-то сочетать с инородными веяниями. Главное – то, что в основе русского психологического театра – подробнейший разбор. А дальше актер может играть в манере гротесковой, острокомедийной, пародийной – какой угодно! И такой театр не может быть скучным, не устареет.

- *А концептуальный театр для русского театра органичен?*

- Сейчас для нас может быть приемлемо все, потому что мы привыкли ко всему. Я не отрицаю театр сверхмодный, такой, сякой, но для меня он все-таки должен быть человеческим. Если я не вижу в театре живых человеческих чувств, то мне это просто неинтересно. По жизни я товстоноговка. Я в том театре выросла, сформировалась. Для меня имя Георгия Александровича Товстоногова священо. Другого рядом нет... К примеру, Анатолий Эфрос был замечательным режиссером, но он никогда не значил для меня столько, сколько Товстоногов. Бог в театре был для меня один... И в театре я все равно ищу его. Я понимаю, что это, возможно, несовременно, старомодно, но что я могу с собой поделаться? Ищу – и все!

- *И часто находите?*

- Очень редко. У худрука петербургского Молодежного театра на Фонтанке Семена Спивака нахожу почти всегда. На сегодняшний день он, наверное, самый мой любимый режиссер. Обожаю Алексея Песегова, который также серьезно, тщательно работает, абсолютно не думая о том, старомодно это или новомодно. Вот, к примеру, Кама Гинкас – замечательный, но абсолютно не мой режиссер. Мне кажется, у него гораздо больше идет от рациона, он все-таки холодный человек. Нравится Владимир Петров. Из молодых – Александр Огарев. Он много и интересно работает в провинции. Мне любопытны некоторые спектакли Марка Розовского, Юрия Копылова из Ульяновска, Алексея Бородина – худрука Российского молодежного театра: он поставил великолепный спектакль «Берег утопии» по Стоппарду – о Герцене, Огареве, народниках, русских революционерах. Это настоящий русский психологический театр! На мой взгляд, нынче значительно съехал вниз уровень культуры – и режиссеров, и актеров. Про драматургов я даже говорить не хочу. И это не может не влиять на театр.

- *Наталья Давидовна, уже несколько лет, как родился ваш замечательный журнал «Иные берега», посвященный русской культуре за рубежом.*

- К величайшему сожалению, недавно ушла из жизни художница нашего журнала Татьяна Загорская, с которой мы вместе начинали журнал «Иные берега». Конечно, я хотела, чтобы этот журнал стал изданием широкого профиля, чтобы в нем были отражены и литература, и музыка, и кино, и театр, и живопись. Считаю, что, в общем, этого удалось добиться. Со смертью Татьяны Загорской журнал станет, разумеется, другим. Ее фантастический вкус, поразительное чутье – этого я не найду больше никогда в жизни. Татьяна Загорская была удивительным человеком, она родилась и выросла в Шанхае и мечтала туда вернуться. «В час, когда я умру, непременно вернусь в Шанхай», как сказал один поэт... В различных посольствах мира нас просят проводить презентации нашего журнала. Такие презентации прошли у нас в Брюсселе, Лозанне. Планировалась в Шанхае... Журнал, я надеюсь, жить будет. Хотя бы в память Татьяны Загорской. И мы будем стараться, чтобы он стал еще интереснее и привлекал как можно больше читателей. В нашем журнале нет политики, и для меня это принципиально. Цель, идея всей моей жизни – делать все, что возможно, для культуры. Для меня самое главное – это. И если я зачем-то на этом свете живу, то в первую оче-

редь для того, чтобы сохранить духовное наследие. Если не будет культуры, то зачем все наши усилия?

- В вашем ведении долгие годы и журнал «Страстной бульвар, 10»!

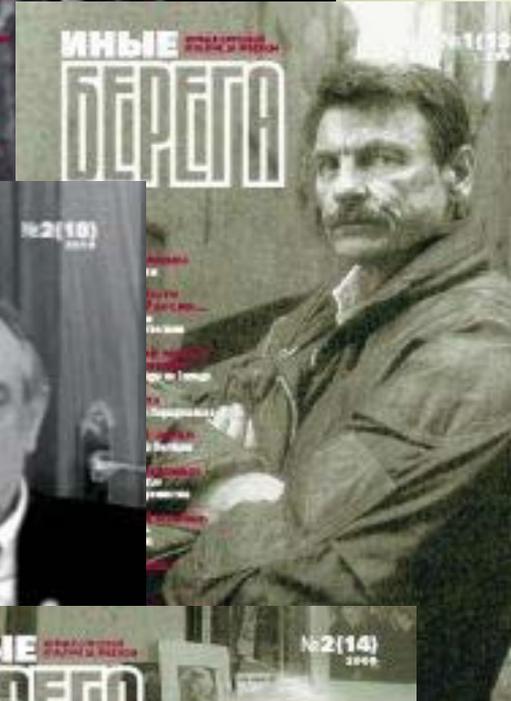
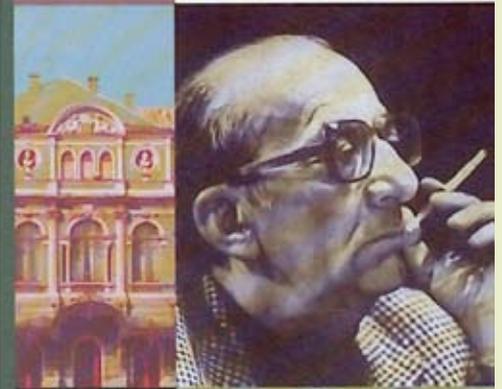
- «Страстной» изменился невероятно. Когда пятнадцать лет назад я одна начинала этот журнал, он выходил на 25-30 страницах. И это было нечто! Позднее он стал настоящим журналом, который охватывает всю Россию. Для меня очень большой подарок, когда, приезжая в какой-то город, я вижу на столе директора театра подборку наших журналов. В городе Орле в библиотеке местного Союза театральных деятелей на столе лежала подборка «Страстного бульвара», прошитая проволокой. Мне объяснили почему – чтобы не украли. Значит, этот журнал действительно нужен. И сейчас он и толстый, и красивый, и цветной. А начинала его все та же художница Татьяна Загорская. Новый художник поддерживает ее стиль. Скажем, фирменный стиль СТД России – тоже разработка Татьяны Загорской. И сегодня главным редактором журнала является замечательный профессионал Александра Лаврова.

- Будучи столь занятым человеком, вы, тем не менее, и книги писать успеваете.

- Первая моя книга, посвященная роману Ивана Гончарова «Обрыв», вышла в 1991 году в издательстве «Художественная литература», в популярной серии «Массовое литературоведение». Спустя двенадцать лет в издательстве «Молодая гвардия» в серии «ЖЗЛ» я выпустила монографию о Сухово-Кобылине, через год – о Георгии Товстоногове, еще через год в серии «Повседневная жизнь человечества» появилась книга «Повседневная жизнь «русского» Китая»: об эмиграции Харбина, Шанхая, Тяньцзина и ее возвращении на родину. В издательстве «Язык и культура» вышла моя книга о Малом театре. Это огромный, красиво оформленный томик, который не оторвать от стола – «Малый театр: 1975-2005 гг.», то есть в ней отражены тридцать лет жизни этого прославленного коллектива. Поскольку она проходила на моих глазах, я с радостью взялась за работу. Труд в эту книгу, вышедшую к юбилею Малого театра, был вложен просто сумасшедший! А потом, вновь в серии «ЖЗЛ», была выпущена книга «Наталья Гундарева». К 25-летию Московского театра у Никитских ворот я по заказу написала книгу, но пока не нашлось денег для ее издания. И вот уже два года она ждет своего часа. А последняя моя книга вышла в свет в прошлом году, в малой серии «ЖЗЛ» - она посвящена актеру Виктору Авилову.

- Как вы все успеваете?

- Я никогда не разбрасываюсь на мелочи, не хожу ни на какие тусовки. Даже встреч с друзьями стараюсь избегать. Для меня это пустая трата времени, лучше уж я с ними по телефону поболтаю. На протяжении многих лет я следую железной дисциплине. Долгое время ложилась не позже половины двенадцатого, просыпалась в пять часов утра и в четверть шестого уже сидела за компьютером с чашкой кофе. Работала я до семи пятнадцати, затем будила сына, отправлялась на работу, возвращалась домой и понимала, что при таком графике работать не могу. Поэтому вечером я просто читала и как бы готовилась к тому, что буду писать завтра, и на следующее утро снова вставала ни свет ни заря. Вот в таком режиме я прожила почти шесть лет, а потом просто перестроила свою жизнь. Сейчас я по утрам не работаю, и то, что мне нужно писать для газет и журналов или мои книги, делаю строго в субботу-воскресенье. При очень хорошем раскладе семь-восемь страниц в день я могу написать. Просто

необходимы серьезные ограничения, и тогда можно все успеть.

Почти все мои книги родились от осознания мной своего долга. То есть я понимала, что должна отдать долг – конкретным людям. Я не могла не отдать свой долг Георгию Александровичу Товстоногову, который для меня Бог, Наташе Гундаревой, которую я бесконечно любила, с которой очень дружила, Вите Авиллову, с которым мы много и интересно общались. А вот сейчас я отдаю долг Кириллу Лаврову – пишу о нем книгу. Мой покойный муж, желая подстегнуть меня к новой работе, всегда говорил: «Ну, ты просто задумайся: а кто, если не ты?» Эта фраза крепко осела у меня в сознании. И когда у меня начинаются сомнения: «Ой, я это не смогу!», то следом появляется другая мысль: «А кто, если не я?» При этом я никогда в жизни не напишу о том, что мне неинтересно. С Марком Розовским у меня не всегда были безоблачные отношения, мы ссорились, какое-то время даже не здоровались. Он человек вспыльчивый, обидчивый, и если я не принимала какой-то его спектакль, он грубил мне в ответ, и мы переставали общаться. Но однажды он позвонил мне и спросил: «Вы не хотите прийти к нам в театр? Мне важно именно ваше мнение, пусть оно будет какое угодно!» Я пришла, мы поговорили и вскоре перешли на «ты» - у нас сложились более близкие отношения! «Только ты можешь написать книгу о нас!» - сказал он, а я в ответ предупредила: «Ты отдаешь себе отчет, что это не будет гимн?» Что касается Малога театра, то я его бесконечно люблю и считаю, что к нему очень несправедливо относятся, особенно молодые критики, считающие этот театр музеем, чем-то закостенелым. Но это не так! Это живой театр. Недавно Малый театр выпустил спектакль «Кабала святош», в котором главную роль сыграл Юрий Соломин. Режиссер – Владимир Драгунов. Когда на сцену выходит Соломин, больше ничего не надо! Я понимаю трагедию не только Мольера, но и трагедию этого человека, артиста Соломина, который взвалил на себя руководство этим театром, который со своим ярко выраженным чувством ответственности в свое время взвалил на себя министерство, который отвечает за все. И все вышесказанное я читаю в этой его роли! Малый театр я действительно очень люблю, но согласилась работать над книгой с известным страхом, потому что были определены немислимо короткие сроки.

- Вы уже столько посмотрели спектаклей в своей жизни. А не утрачивается с годами свежесть восприятия?

- У меня есть очень счастлирое качество: если меня спектакль захватывает, я смотрю так, словно мне пятнадцать лет. В жизни я никогда не плачу, какое бы ни случилось горе. Но, Боже, как я рыдаю в театре! Я могу так рыдать, что у меня не хватит никаких платков. Когда мы с мужем ходили в театр, он к концу спектакля, даже не глядя на меня, доставал платок из кармана и протягивал мне.

- Что вас в последнее время заставило рыдать в театре?

- «Три сестры», «Дон Кихот» в Молодежном театре на Фонтанке в постановке Семена Спивака. Спектакль Алексея Песегова «Черный тополь». Мощнейшая эпопея! «Жизнь и судьба» Льва Додина. И боюсь, что это все! Давненько я не плакала в театре...

- Любите ли вы грузинский театр?

- Очень. Он всегда был для меня бесконечно интересным явлением. Я никогда не забуду «Кавказский меловой круг» Роберта Стурюа. Это – навсегда. Спектакль Авто Варсимашвили «Пляска смерти» был просто великолепным! А «Вечный муж» Темура Чхеидзе покорила меня совершенно. Я вообще очень люблю Темура Чхеидзе. Считаю, что это новая струя в БДТ. Когда он пришел в этот театр сразу после смерти Товстоногова

и поставил «Коварство и любовь», это было событие грандиознейшее! Я всегда мечтала поехать в Грузию, но никак не получалось. А однажды муж, Алексей Зверев - литературовед, писатель, американец - решил сделать мне подарок – повез меня в Ереван. Там сын поэта Геворка Эмина, Арташес Эмин, американец, аспирант моего мужа, многие другие дарили мне Армению – я в первый раз увидела Арарат. Каждое утро мы пили кофе с Геворком Эмином и разговаривали о том о сем. Однажды зашел разговор о каком-то талантливом армянском режиссере. И я сказала: «Да, наверное, он очень талантлив. Но у меня другой Бог – Сергей Параджанов». Геворк Эмин поинтересовался, знакома ли я с ним. «Как можно быть знакомой с богом?» - ответила я вопросом на вопрос. «Познакомиться очень просто!» - «Но он же живет в Тбилиси!» - «Ну и что?!» Эмин немедленно связался с Параджановым: «Ты можешь завтра принять очень близких моих московских друзей?» Параджанов согласился. А потом я всю ночь не спала – готовилась к встрече. Ранним утром мы поехали в Тбилиси. У Параджанова мы планировали пробыть недолго – неловко было отрывать режиссера от дел... И мне хотелось увидеть то, это, весь Тбилиси! Меня успокаивали: «Ты все увидишь, не волнуйся!»... В итоге у Параджанова мы пробыли до ночи – целый день! Это было потрясюще. Я написала о нашей встрече в журнале «Иные берега» в статье по случаю юбилея режиссера. Когда мы вышли от Параджанова, уже нужно было возвращаться в Ереван, а я ведь фактически ничего не видела! И меня отвезли на проспект Руставели, чтобы я немного прогулялась взад и вперед. А остальное, мол, по дороге покажем. Я прошла буквально два шага и обнаружила сувенирный магазинчик, в котором увидела большой глиняный кувшин. Муж сказал, что купит мне этот кувшин, чтобы у меня на всю жизнь осталось желание приехать в Тбилиси, чтобы этот кувшин меня притягивал. По дороге, пока я дремала, муж вместе с нашим приятелем-попутчиком время от времени испуганно восклицал: «Ой, кувшин-то разбился!» - посмеивался надо мной. Этот кувшин до сих пор стоит у меня дома, не разбился. И действительно, меня тянет в Тбилиси. Когда пять лет назад отмечался юбилей тбилисского театра Грибоедова, я наконец снова приехала в Грузию. Правда, с погодой не повезло – все время шел дождь. Когда мы вышли из гостиницы, я сразу пошла по проспекту Руставели и показала своим коллегам дом, в котором жил Параджанов. А вот там был магазинчик, в котором мы купили кувшин. Магазинчика уже не существовало. Помню, что Татьяна Шах-Азизова удивилась: «Наташа, вы же были в Тбилиси всего полтора часа, откуда вы все это знаете?» «Все дело в моем волшебном кувшине!» Надеюсь, что он опять притянет меня в Грузию. Я действительно очень люблю эту землю, картины грузинских художников, стихи грузинских поэтов. Одним из любимых стихотворений моего мужа был «Цвет небесный, синий цвет!» В октябре 2009 года Алексею Звереву исполнилось бы 70 лет. На канале «Культура» в передаче «Цвет времени» сделали репортаж о нем. И вот смотрю эту передачу и слышу, как Сергей Никитин поет «Цвет небесный, синий цвет». У меня просто остановилось сердце... Случайных совпадений не бывает. Мой муж знал, любил Грузию. Правда, учеников в Грузии у него не было. И этот мир, честно говоря, он мне недооткрыл – только приоткрыл щелочку. И у меня ощущение, что я в эту щелочку все время заглядываю. А прорваться пока не удалось... Я же выросла на обожании Нодара Думбадзе. Это потрясающий писатель – как и Чабуа Амиреджоби. Это была часть нашей жизни. Мы же не делились – это Грузия, это Литва, это Россия... Есть города, в которые тянет, которые обладают для меня немислимо притягательностью.

Инна БЕЗИРГАНОВА

ОБРАЩЕНИЕ К НАРОДАМ И ПРАВИТЕЛЬСТВАМ РОССИИ И ГРУЗИИ

Выражая горячую благодарность выдающимся мыслителям и духовным лидерам нашего времени – Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу и Святейшему Католикосу-Патриарху всея Грузии Илии II за первосвятительские благословения Международного русско-грузинского фестиваля, проводимого на благословенной грузинской земле уже в четвертый раз, вновь и вновь свидетельствуем:

- Культурные корни, объединяющие русский и грузинский народы, по-прежнему крепки. Россия и Грузия «обречены» на партнерство. Их объективные национальные интересы совпадают.

- Развитие традиций культурных и гражданских взаимоотношений – продолжается!

Да, отношения между двумя странами вступили в период серьезных испытаний и разочарований. И вместе с тем мы заявляем: «Не правы те, кто считает, будто в Грузии необратимо восторжествовали антирусские настроения, что вирус национализма и соблазн западничества уничтожили всякую живую историческую связь между нашими народами!»

Никуда не уйти от исторических реалий, от общей судьбы народов России и Грузии, от уникального тепла их взаимоотношений. В советское время отчужденные от властей грузинский и русский народы вместе страдали под «красным террором», вместе боролись против фашизма, вместе создавали производство, науку и культуру.

В ситуации сложности политического выбора, необходимо обращаться к истокам, к вечным ценностям. Важна согласованность в оценке прошлого, которая должна стать основой для взаимопонимания и добрых отношений в будущем.

Нравственные чувства людей, идеалы добра, человеческой жизни, заложенные в наших культурах и в наших религиях, верим, - дадут возможность преодолеть конфликты и найти ответы на вопросы, которые не решаются с помощью политического и экономического прагматизма.

Устойчивые и крепкие дружеские связи между двумя странами возможны только на основе позитивных отношений между людьми. Ведь исторически и географически нас объединяет общее наследие евразийских цивилизаций, заложенное в культурной генетике двух государств и народов.

Необходимо восстановить доверие, искать пути к сближению народов. Основой для этого является культурное наследие, духовная близость и взаимоуважение,

передающиеся из поколения в поколение.

Проведение международных русско-грузинских поэтических фестивалей дает ценный шанс ускорить развитие культурно-образовательных связей нового типа, не формально, а содержательно присутствующих в общественной, интеллектуальной и творческой жизни не только Грузии и России, но и большинства стран мира, заинтересованных в стабильности в регионе.

Бурно развивавшаяся история с беспрецедентным переплетением судеб людей, огромным взаимовлиянием культур уходит корнями вглубь веков. Необходимо делать все возможное, чтобы сотрудничество становилось еще шире, чтобы экономическое, социальное, культурное партнерство расправило крылья и вышло на уровень стабильного, устойчивого развития.

Необходимы объединенные усилия и ученых-культурологов, историков, политологов, деятелей культуры. Мы должны рекомендовать представителям деловых кругов объединять их знания и навыки. На государственном уровне необходимо создавать благоприятные условия для бизнеса, и в этом должны принимать участие все страны региона.

Особое значение в наши дни приобретает способность политических элит обоих государств точно и своевременно реагировать на новую ситуацию «вечного соседства». Живой разговор государственных лидеров, политиков, ученых и деятелей культуры способен не только оживить взаимный интерес и поднять актуальные темы, но и решить, наконец, назревшие вопросы, руководствуясь здравым смыслом, а главное, чувством ответственности за судьбу нынешних и грядущих поколений.

Именно атмосфера диалога поможет решать те многочисленные проблемы, которые еще существуют в отношениях двух стран.

На уровне каждодневных человеческих контактов мы должны сочувствовать, сопереживать и помогать друг другу, уметь взаимовыгодно противопоставить бесценный вековой опыт добрососедства и взаимопонимания – интересам разделяющих третьих сил, сталкивающих братские народы для достижения собственных сиюминутных выгод.

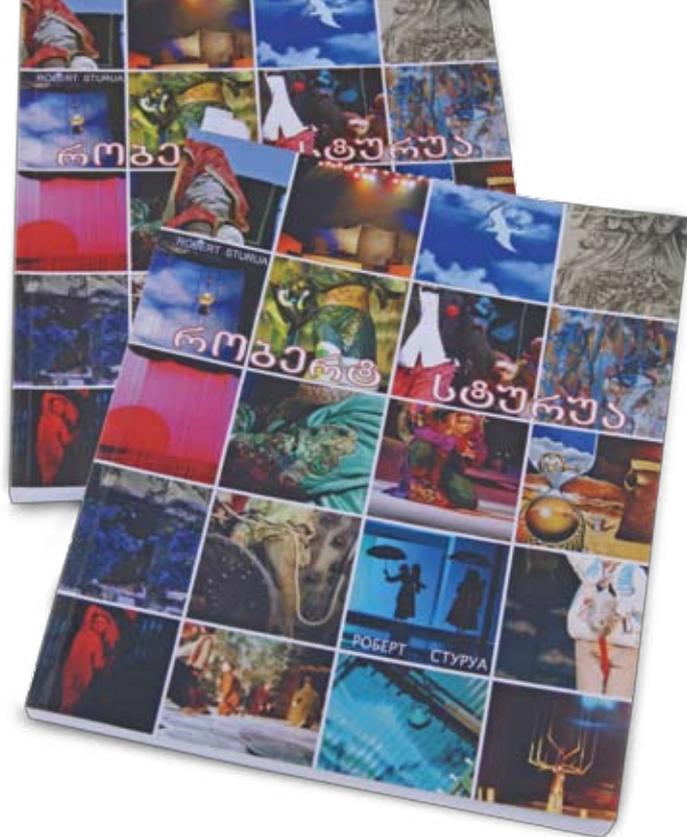
Наша сила в понимании, единстве и взаимовыручке! Ее не победить!

**Участники IV Международного
русско-грузинского
поэтического фестиваля
29 июня 2010 г.**

СТУПАЙТЕ СВОЕЙ ДОРОГОЙ!

Вышло в свет удивительное издание – двухтомник, посвященный жизни и творчеству великого нашего современника и соотечественника – режиссера Роберта Стуруа. Мы имеем уникальную возможность услышать неповторимую интонацию маэстро, познакомиться с его родителями, окунуться в его детство, юность, молодость, когда режиссерский гений Стуруа только формировался, узнать о его первых шагах в профессии, погрузиться в фантастический мир спектаклей театра имени Шота Руставели, других театров, на сцене которых ставил Робико, как любовно называют его на родине и за ее пределами.

В издании доминирует визуальный ряд, что дает нам право назвать его альбомом. Здесь очень много фотографий, запечатлевших сцены из спектаклей, самого

На презентации

Стуруа вместе с деятелями культуры из разных стран, а также рисунков Роберта Робертовича, репродукций картин его отца, художника Роберта Стуруа, афиши, плакаты спектаклей...

Забавен необычный портрет маэстро работы Гоги Алекси-Месхишвили. Это своего рода коллаж из различных предметов, каждый из которых режиссер подробно, «попунктно» так сказать, с юмором комментирует... Так, лицо на портрете – это «маска, которая в точности соответствует габаритам моего лица и даже напоминает меня, в «Кавказском меловом круге» была на отце Мишико Абашвили – Георгие». Также привлекают внимание дружеский шарж Резо Габриадзе и метафорический портрет Роберта Робертовича работы Темура Нинуа, передающий напряженность режиссерского поиска Стуруа, глубину его творческой мысли... Неожиданное решение предложил Генрих Элибемян – его отнюдь не реалистическая работа запечатлела творческий портрет режиссера, это скорее собирательный образ его Театра.

Стуруа весьма фотогеничен: личностное обаяние

Стуруа известно всем, кому довелось общаться с ним, и фотографии-портреты передают это его качество. Впечатляет фотография, предваряющая издание: режиссер сидит вполборота и, слегка позировав, смотрит в камеру почти с вызовом – острым, выразительным взглядом... На других снимках он то лукав, то ироничен, то погружен в себя, то печален.

Авторы сборника соединили монолог режиссера, его, по сути, исповедь с высказываниями о нем знаменитых коллег, друзей, отрывками из рецензий, публикаций. И мы словно слышим бархатный баритон Мастера, неторопливо повествующего о своей такой интересной, насыщенной творческой жизни – как внешней, так и внутренней. В то же время о нем говорят Константин Райкин и Михаил Ульянов, Александр Калягин и Олег Табаков, Георгий Товстоногов и Тонино Гуэрра, Аспасия Папатанисио и Олег Ефремов, Дарио Фо и Мелина Меркури, Тамаз Чиладзе и Михаил Шатров, Давид Смелянский и Константин Рудницкий...

Приведены в издании и стихи-посвящения, их авторы – знаменитые грузинские поэты Лия Стуруа и Резо Амашукели.

Конечно, невозможно всю жизнь, все творчество вместить в два тома. В первом охвачен период с 1963 по 1983 год, во втором – с 1983 по 2009-й. От первых студенческих спектаклей, первого спектакля, поставленного на сцене театра имени Шота Руставели, до последних работ зрелого мастера – таков путь режиссера!

В книге много новых подробностей из жизни Стуруа – например, о том, почему собственно его назвали Робертом; о той, кто заразил его любовью к театру – художнице Елене Ахвледиани... Он пишет об этом, как и о многом другом, с присущим ему юмором, иронией и самоиронией.

Автор идеи – Акакий Кучухидзе, автор-составитель этого замечательного издания – Котэ Ниникашвили, руководитель проекта – Заал Чикобава. Беседу Роберта Стуруа записала Лили Попхадзе.

«Не ждите никаких указаний, ступайте своей дорогой!» - напутствует Стуруа молодых. Он ведь это знает не понаслышке...

ВСТРЕЧИ С ШЕКСПИРОМ И НЕ ТОЛЬКО

В детстве я не испытывал особого влечения к театру, но соблазнила меня, вы удивитесь, Елена Ахвледиани, благодаря которой я приоткрыл дверь и заглянул в волшебный мир, называемой театром и... как говорится, пропал. Госпожа Елена была близким другом величайшего пианиста XX века Святослава Рихтера и его супруги, певицы Нины Дорлиак. В семье у них рос племянник госпожи Нины, Дима Дорлиак. В Москве восьмиклассник Дима оказался в дурной среде и его, подобно декабристу, сослали на Кавказ, в частности, в Тбилиси, к Елене Ахвледиани. Госпожа Елена, желая наставить мальчика на путь истины, задумала постановку пьесы Гоголя «Ревизор», где Дмитрий играл бы Хлестакова, а я городничего. Почти два месяца работали мы, не смыкая глаз ни днем, ни ночью. Режиссером, художником и хореографом была сама госпожа Елена. Спектакль у нас, что и говорить, провалился, мы не смогли довести его до конца. Отчаявшемуся режиссеру стало ясно, что ничего из нас не получится, и она спешно заменила нам материал на «Мистера Твистера» Маршака. Я был рассказчиком и, возможно, потому представление имело успех на городской олимпиаде. Дима Дорлиак исполнял роль прогрессивно мыслящего негра, без текста. Могли мы представить тогда, что я и Дима, два бездарных артиста, всего за какие-то пять лет станем навсегда, неразрывно связаны с театром. Не скажу о себе, но Дмитрий Дорлиак стал ведущим актером «Театра на Малой Бронной». Вот так заразила нас любовью к театру госпожа Елена.

В студенческие годы мне как-то попались записки одного французского актера. Прочитанное там по сей день будоражит меня, не выходит из памяти: если хочешь понять, как быстротечно время, приходи в театр... Приди в театр, когда в нем никого нет. Поднимись на затемненную сцену, обернись лицом к пустому залу, зажмурься... замри... Внезапно тихий шелест отрезвит тебя – будто дуновение пронеслось над тобой. Это пролетело время... Незримое, неумолимое... Такое я ощутил лишь на сцене театра Руставели, почему-то больше нигде и никогда ничего подобного я не испытывал...

В институте я поставил два спектакля (сам был художником и сам же подобрал музыку) – сатирическую комедию румынского драматурга Караджале «Господин Леонида перед лицом реакции» и психологическую драму Тургенева «Где тонко, там и рвется». Я и сегодня считаю их своими лучшими работами. Но поразительно то, что эти два различных по жанру спектакля, четко отличающихся

друг от друга, определили мое будущее. Зачем я выбрал именно эти пьесы, не могу вам сказать. У меня тогда была лишь одна забота – поставить хороший спектакль, и, подобно слепому щенку, я пытался проторить себе дорогу так, чтобы не свернуть шею. Эти два спектакля, два пути, два направления, которым следую я и по сей день, – трагический фарс и разбавленная горьким юмором психологическая драма. Мне кажется, что тогда, делая первые шаги, я, испугавшись, уцепился за какую-то веревку. Вдруг откуда-то раздался звон. Таинственный отголосок его и поныне отдается у меня в ушах.

Постановка спектакля требует соблюдения определенных правил... Правила... Правила... Правила... И все-таки что же такое режиссура? У меня на этот счет свои умозаключения, то есть пояснения, настолько примитивные, что до сего времени я ни с кем ими не поделился, видимо, из скромности. Вот одно из них – «режиссер-покупатель». Он отправляется на базар. Прилавки заполнены продуктами. Все, что душе угодно, только выбирай. Вокруг полно народа. Каждый стремится приобрести все самое лучшее и к тому же подешевле. Но, вернувшись домой, заглядывает в сумку и поражается: из всего купленного не приготовишь даже приличного обеда. Каждый режиссер испытывает то же самое, талантлив он или бездарен. Мир театра щедро предлагает ему наилучшую драматургию, как старую, так и современную, предлагает талантливейших художников, композиторов, не говоря уже об актерах, их ведь не перечесть... И стоит наш режиссер испуганный, думая: «Господи, когда так трудно выбрать, то каково будет во время постановки?» Если удастся ему отобрать все самое лучшее (хотя это случается редко), то первый шаг к успеху уже сделан, но впереди его подстерегает много «опасностей». В первую очередь, он должен ознакомить творческую группу со своим замыслом и постараться увлечь этим всех. Конечно же, ему не избежать разногласий во мнениях, возможно, он даже будет растерян настолько, что снова окажется перед выбором – с чем из всего, предложенного ему, согласиться, а что отвергнуть. Знаете, когда я впервые задумался над этим? Как всегда, перед премьерой, когда мы перебирали костюмы, в зале, кроме меня, сидели еще художник и портной. На сцену вышла Саломе Канчели и обратилась к художнику: эта пуговица непременно должна быть красной? Не лучше ли пришить зеленую? Художник потребовал эскиз, на котором была нарисована красная пуговица, и ответил, что пуговица должна быть красной. Портной осторожно предложил зеленую. И госпожа Саломе, окрылившись, взмолилась, пусть, мол, будет зеленая, она подойдет больше. Художник, всплыв, заявил: в зале сидит режиссер, пусть решает он. Все посмотрели на меня. Сказать по правде, голова у меня в тот момент была забита совсем другим, но я понял – даже такую мелочь предстояло решать мне. «Боже правый, красная или зеленая?» – думал я про себя. Все молча уставились на меня в ожидании ответа. Преодолев сильное напряжение, я громко произнес: «Лучше, чтобы была синяя пуговица, синяя!» Все переглянулись, дескать, какой он у нас гений. Да, батону, согласился художник, пусть будет синяя. Портной почему-то захлопал в ладоши. Художник же, взглянув на меня, уточнил: только пусть будет темно-синяя!..

Таков мир, создаваемый режиссером, мелочей в нем не бывает.

Зритель и театр... Театр и зритель... Ужасно, когда ты сидишь в партере, на сцене множество людей, актеры в роскошных костюмах, распыляют страсти, проливают слезы, ты же поразительно спокойно, более того, равнодушно говоришь себе: «Боже, в чем я провинился, скорее бы все это закончилось...»

Однако гораздо ужаснее, когда в зрительном зале всего пять или шесть человек смотрят замечательный спектакль, а аплодировать некому.

Мне непонятно, что значит элитарный театр? Если в зрительном зале тысяча кресел, так зачем тогда ставить спектакль лишь для десяти и обманывать надежды остальных девятисот девяносто зрителей?..

Еще будучи молодым, я понял, что всех зрителей – искусственных, многоопытных и тех, кто впервые пришли в театр – должно одинаково волновать происходящее на сцене. Сделать это довольно сложно, и, признаться, меня всегда больно ранило, когда зал бывал не полон. Не знаю, как другие, но я всегда винил в этом только себя. Мне думается, что в театре всегда истинно то, что нравится зрителю, поскольку не существует «завтра», есть только «сегодня». Однако сколько беспомощных спектаклей годами шли при переполненных залах и, напротив, вроде бы безупречный спектакль не имел зрителя и бесследно исчезал со сцены. Такие спектакли были и у меня, я даже с гордостью о них вспоминаю, но что поделаешь... Видимо, все мы в чем-то ошиблись, не смогли до конца пробить стену, воздвигнутую между нами и зрителем, ни я, ни актеры.

«ПЕРЕД УЖИНОМ»

Придя в театр, я был одержим одним большим желанием, чтобы актеры заговорили простым человеческим языком. С детства меня удивляло, когда со сцены слышалась высокопарная, патетическая речь. Более того, некоторые известные актеры, блестяще владеющие грузинским, на сцене говорили с нарочито русским акцентом, и это обычно воспринималось как должное. А потому я на первом же спектакле по возможности категорически потребовал, чтобы все говорили, как в жизни. Поразительно, но никто и не думал возражать. Когда новоиспеченный режиссер работает над первым спектаклем, все к нему расположены по-доброму, заглядывают в глаза, беспрекословно выполняют каждое его требование, все «влюблены» в него, неважно, заняты они в спектакле или нет. Словом, эдем да и только, райские кущи. Однако спектакль у нас, к сожалению, не получился, да и как мог получиться, когда в ирреальном сказочном мире, созданном Мамией Малазония, герои, одетые в красочные костюмы, говорили простым, бытовым языком; и тогда я понял, что у каждого спектакля в театре должен быть свой язык, своя тональность, своя мелодика...

И вот руководство театра поручило мне поставить бытовую комедию В.Розова «Перед ужином», которую по нашей просьбе перевел Джансуг Чарквиани. Казалось, музы театра дали мне еще одну возможность продолжить эксперименты, связанные со сценической речью. Хотите, считайте это спесивостью, но я и по сей день уверен, что «Перед ужином» – лучший реалистический спектакль в истории грузинского театра. Да-да, это так! Вы возмущены, а я вот покраснел до ушей и даже усы у меня зашевелились, но это именно так и ничего тут не поделаешь.

Этот спектакль убедил меня в том, что каким бы реалистичным ни было произведение, поставленное тобой на сцене, речь актеров должна резко отличаться от обычной, бытовой, поскольку театр – это то, что делает жизнь предметом поэзии.

*ШЕКСПИР – ЭТО ГОРНАЯ ВЕРШИНА,
СКЛОНЫ КОТОРОЙ УСЕЯНЫ ТРУПАМИ
РЕЖИССЕРОВ...*

Питер Брук

С Шекспиром я встречался 11 раз, а между тем, он автор 37 пьес. Но нет, ошибаюсь, 16 раз я встречался с ним – трижды возвращался к «Гамлету» и по одному разу к «Венецианскому купцу» и «Королю Лиру». Не знаю, попал я на склон, упоминаемый Питером Бруком, или нет, об этом судить зрителю. Вообще-то я хоть и достиг семидесяти лет, на здоровье пока что не жалуюсь. Правда, раза два пришлось мне оказаться в обществе людей в

белых халатах, на операционном столе, но Шекспир к этому абсолютно непричастен.

Однажды Лили Попхадзе (заведующая литературной частью, бессменный участник и свидетель моих встреч с Шекспиром) сказала мне: «Дорогой Робико, не лучше ли расстаться с жизнью на одном из склонов Шекспира, чем умереть под забором от руки какой-нибудь бездари». Наверное, она права, но с прискорбием должен признать, что и под забором меня убивали не раз. В молодости я поклялся не ставить вторично уже поставленную однажды пьесу. Но думая, что мне не удалось постичь до конца Шекспира, что упущено что-то главное, я вновь и вновь возвращался в удивительный мир, вмещающий в себя чистую любовь и распутство, дружбу и жестокость, потоки крови и беспечность, рыцарский дух и цинизм безнравственности. С чем только не встретишься здесь – с психологической драмой и клоунадой, любовной лирической комедией и неприкрытым, почти «наглым» проявлением низких страстей. Однако горькую правду жизни Шекспир преподносит нам посредством прекрасной поэзии, как бы оберегая нас от окончательного уничтожения. Я не теряю надежды вновь встретиться с поэтом Уильямом Шекспиром и если не покорить вершину, то хотя бы прилечь на склоне и спокойной погрузиться в сон.

Несколько лет назад я был в гостях, на даче у одного московского актера. Возвращаясь оттуда, мы увидели, как на проспект Мира высыпали прелестнейшие женщины, человек двести, перепуганные, но очень красивые, они бежали прямо к машинам. Изумленно смотрели мы на них, не понимая, что происходит. Выяснилось, что сотрудниками милиции проводилась плановая проверка, а эти прелестные создания (то есть проститутки) убежали от них. Зрелище было странное, фантасмагорическое. И в эти минуты я вдруг понял, что жизнь окончательно изменилась, что дороги назад уже нет, что время еще раз перешагнуло какой-то культурный рубеж. То же самое можно сказать и о театре – он принципиально изменился. То, что изменился, хорошо, но мне кажется, будто вместе с этим он утратил старые, свои самые лучшие свойства, я бы сказал, душевность, сентиментальность, что сегодня уже не в чести, но, по моему мнению, необходимо. В сегодняшнем мире порой странные, ни о чем не говорящие идеи выдаются за авангард, с чем я никогда не смогу согласиться. Впрочем, это моя субъективная точка зрения. Театр все-таки будет развиваться и без наших указаний. Мы ведь не инспектора дорожного движения, чтобы диктовать искусству, в какую сторону ему идти. Наверное, очень приятно, когда ты вертишь театром так, как тебе заблагорассудится, то туда, то сюда, что особенно привлекает диктаторов. То же самое подтверждается и историей человечества. Однако это претит как людям, так и искусству. К сожалению, это все еще присуще нам, оно живет в нас, в наших душах. Все почему-то ждут указаний. Не ждите никаких указаний, ступайте своей дорогой!

Есть режиссеры, которые на вопрос – что такое режиссура – возможно, не смогут найти ответа. По моему мнению, это, прежде всего, ремесло. У постановки спектакля свои законы, и режиссеру следует четко их знать, так же, как необходимо портному знать правила, по которым шьется одежда. Если мастер хорош, то сшитое им платье превратится в произведение искусства, однако работы Ив Сен Лорана и обыкновенного портного выполняются по одним и тем же правилам. Так и у нас – хорош спектакль или плох, он должен основываться на правилах, и если ты хорошо усвоишь эти правила, то в последующем уже сможешь их «нарушать».

Порой я просыпаюсь среди ночи и в страхе вспоминаю свою последние спектакли. А вдруг я уже изгнан из этого чудесного мира, а вдруг я излечился и воспринимаю эту жизнь равнодушно, без всяких волнений. Хотя, кто его знает, может, впереди у меня еще один приступ «безумия»... Вспоминается мама. Я успокаиваюсь и за-

сыпаю безмятежным сном.

Ребенком я не любил бывать в гостях, взрослые там беседовали между собой, а я оставался один и не знал, куда себя деть. Поэтому мне совали в руки семейный альбом. Видимо, так было принято тогда. И этот альбом, который вы сейчас просматриваете, напоминает мне те, наводящие скуку альбомы, но от правды ведь не убежишь... Хотя всякое бывает и, возможно, кто-то, влюбленный в театр, окинет взглядом жизнь одного человека и отпустит ему грехи его.

Роберт СТУРА
Перевод Гины ЧЕЛИДЗЕ

«12 разгневанных мужчин»

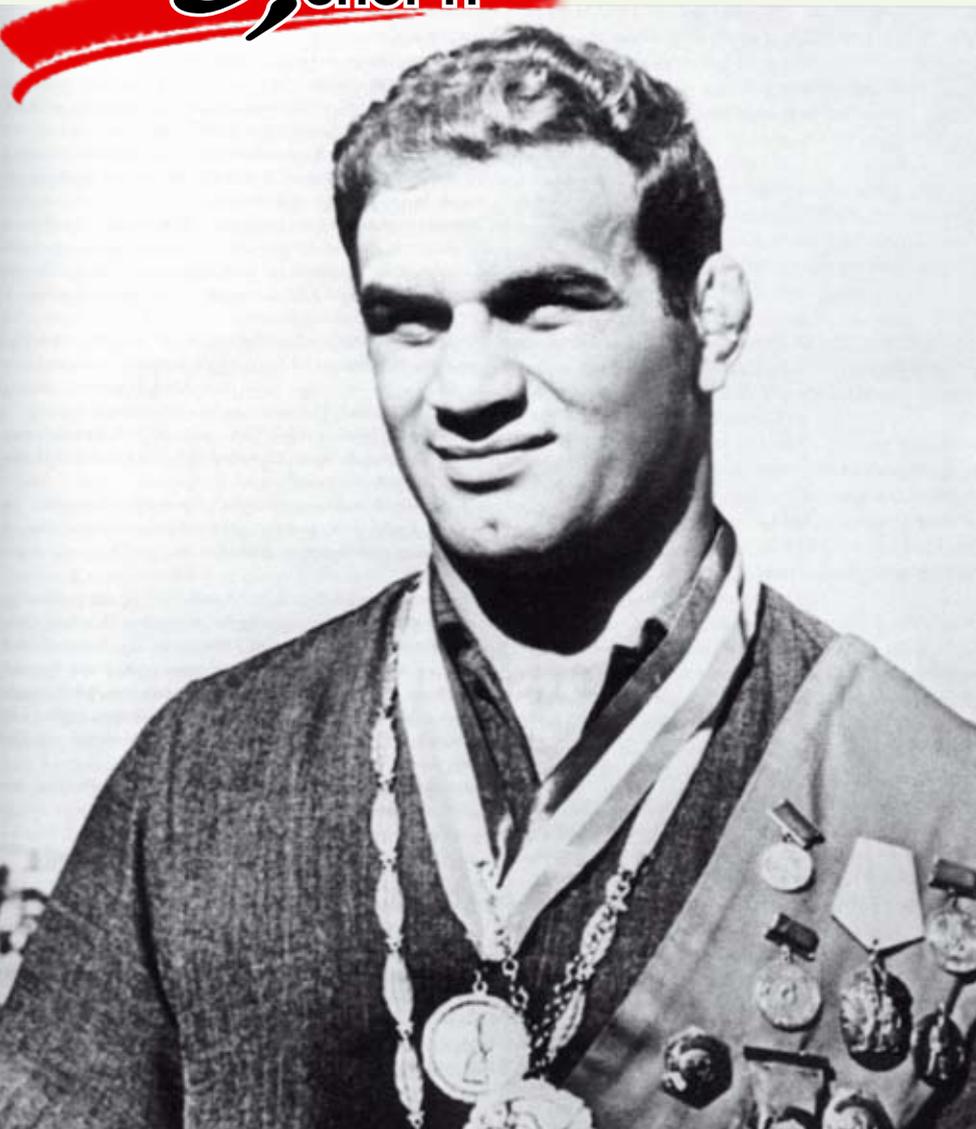
«Кавказский
меловой круг»

М. Туманишвили,
Р. Стура,
Т. Чхеидзе

Дружеский шарж
Р. Габриадзе

Автандил Коридзе

ЖИЛ НА СВЕТЕ РЫЦАРЬ ДОБРЫЙ

«По моему глубокому убеждению, ты станешь олимпийским чемпионом», – Гиви Картозия испытующе посмотрел на друга. Автандил Коридзе: «Почему ты так думаешь?» – «Ты на голову выше своих соперников» – «На голову?» – «Я ошибся. На две головы выше».

Прогноз чемпиона Мельбурнской олимпиады ментально прокатился по Риму, нагнал страх в неприятельском стане. Раз сам Картозия так считает, золотая медаль в легком весе у борцов классического стиля обрела свой точный адресат – уедет в Грузию в чемодане Автандила Коридзе. Остальные могут не беспокоиться.

Теперь попробуем открыть секрет этого вещего прогноза. Картозия и Коридзе земляки, оба из Грузии, Тби-

лиси. Так что им положено держаться друг за дружку в Вечном городе, который теперь в шестидесятом году гостеприимно принимал Олимпиаду.

Но дружба дружбой, а было у старшего, как тогда говорили, еще и партийное поручение. И вот какое. Что скрывать? В легком весе советская сборная с годами сдала свои позиции. Со времен Шазама Сафина, который в Хельсинки в пятьдесят втором завоевал золотую олимпийскую медаль. Потом, через три года, Григорий Гамарник стал чемпионом мира в западногерманском городе Карлсруэ. И все последующие пять лет – на голодном пайке – золото у легковесов на Олимпийских играх и чемпионатах мира доставалось другим – шведу Густаву Фрею, финну Куости Лехтонену, турку Риза Догану.

До Олимпийских игр в Риме Коридзе так высоко не замахивался, хотя талантом был наделен от Бога. Дебют 19-летнего борца на чемпионате страны (1954) был отмечен седьмым местом. Зато через год выход на всесоюзный ковер в Саратове начался с сенсации. Новичок безоговорочно победил чемпиона Хельсинкской олимпиады, четырехкратного чемпиона СССР Якова Пункина из Запорожья, которого называли «молнией на ковре». Позже великий Пункин вспоминал: «Коридзе отличало безошибочное понимание борьбы. Опасность он чувствовал издалека. Я боролся в Автандилом и проиграл ему. Поверьте, все сделал для победы, но не смог ему помешать... Я вот что еще скажу: именно благодаря Коридзе я в пятый раз стал чемпионом

страны. Взбешенный поражением от него, я раскидал всех соперников».

Коридзе, раскрывший другим соперникам свою богатырскую силу, был пятым, опыта турнирной борьбы ему не хватило. Вот тогда Яков Пунин сказал руководителям сборной страны: «Этот парень далеко пойдет». И персонально тренировал – готовил его к московскому фестивалю молодежи, на котором Автандил первенствовал, отодвинув на второе место венгра Имре Пояка, будущего чемпиона Токийской олимпиады-64. Он победил в Тбилисском цирке и чемпиона Лондонской олимпиады-48 шведа Густава Фрея, в международном матче Грузия-Швеция.

После Саратова Коридзе с завидным постоянством попадал в обойму лучших борцов страны: в 1956 году – он третий, 1957 – второй, 1958 – третий, 1959 – на 2-й Спартакиаде народов СССР – пятый, в 1960, за три недели до открытия Олимпиады, – второй. Казалось, путь к золотой медали открыт, но в последний момент не хватало самой малости.

Но именно его, перспективного молодого борца, выпускника Грузинского политехнического института, тренерский совет назвал первым номером олимпийской сборной.

Рисковали наставники, сами в прошлом большие мастера ковра! За малейшую промашку в тренеров летит первый камень. Но тогда начальник Управления единоборств Спорткомитета СССР Аркадий Николаевич Ленц высказался вполне определенно: «Коридзе не подведет!» И обратился к Картозия со словами надежды: «Тебе, Гиви, поручаю Автандила, веди его, помоги ему!»

Поселил их в одной комнате Олимпийской деревни.

Гиви Картозия, конечно же, не ограничился ролью «дядьки» новобранца сборной. 32-летний атлет в Риме сам выходил на ковер, прикрывая непривычный для себя, средневеса, оголившийся полутяжелый вес, боролся за самое высокое место, завоевал в финале бронзовую олимпийскую медаль. И при этом трогательно заботился об Автандиле, который, с благословения старшего друга, начал решающие схватки олимпийского турнира.

Что Коридзе имел до Рима? В 1958-м победил на III Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве, через год – на Кубке Адриатики.

Главные свои победы ему еще предстояло добывать. Как сказал поэт: «Не гляди что на груди. А гляди что впереди».

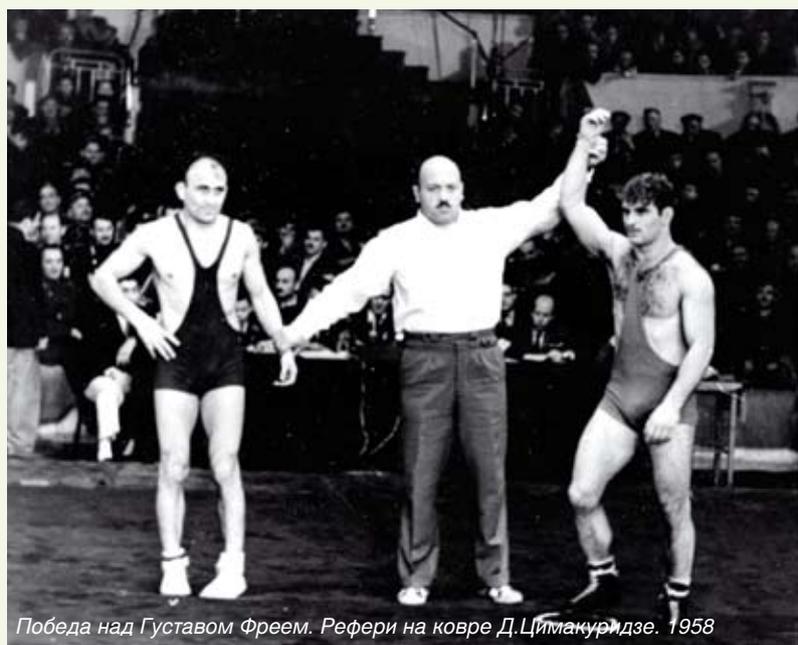
В Риме Автандил, не мешкая, приступил к делу. В невыносимую сорокоградусную жару, когда борцовский ковер в античных стенах базилики Массенцио напоминал раскаленную сковороду, он шесть раз вступал в схватку и одержал пять побед при одной ничьей.

В первых двух красиво победил по баллам итальянца Марио да Сильва и американца Бена Нордрупа.

Чемпион Мельбурнской олимпиады Куости Лехтонен один сумел добиться ничейного результата против Автандила, но больше потому, что воспитанника Петра Андреевича Иорданишвили эта ничья устраивала – турнирное положение главного конкурента, с четырьмя проигрышными очками и без того незавидное, станови-

ему, выбыл из числа претендентов на медали, в итоге разделил 5-8 места.

Автандил уверенно шел к цели. В четвертом круге положил грека Анастасе Моисидиси, а в следующем – Стоянова, который все поединки до встречи с Коридзе выиграл. Но с Коридзе ему пришлось нелегко. Итальянцы шумно приветствовали фирменные броски с прогибом грузинского борца, переименовав его фамилию на свой лад – Коридзини. После одного коридзевского броска Стоянов оказался на лопатках. И тут произошла неожиданность, которая едва не поставила под сомнение предстартовый прогноз Картозия. Руководитель ковра объявил схватку фиктивной и дисквалифицировал обоих борцов. Это была явная несправедливость, ведь

Победа над Густавом Фреем. Рефери на ковре Д.Цимакурдзе. 1958

Олимпийские чемпионы Ш.Сафин, Г.Картозия, Я.Пункин

лось катастрофическим. Так и вышло. Финн в их поединке всячески избегал обострений, отказывался бороться, отражая атаки Коридзе. Тактическая хитрость дорого ему стоила. В следующем круге вконец измотанный, без сил, олимпийский чемпион встретился с молодым и могучим болгаринцем Димитрием Стояновым и, проиграв

болгарин в случае победы сам получал возможность претендовать на золотую медаль.

Коридзе стоял в своем углу, и по его лицу катились слезы из-за судейской несправедливости. Ростом Абашидзе, который в Риме был запасным (это трехкратный чемпион мира 1958, 1962 и 1963 годов!), вспоминал: «Я думал, что помру там, возле ковра... Наше счастье, что арбитр этого поединка и боковые судьи не согласились с руководителем ковра. Да и итальянские тиффози подняли такой крик в защиту «Коридзини», что руководитель ковра не отважился настаивать на своем. Победила справедливость...»

Дальнейшие события описала влиятельная итальянская газета «Мессаджеро»: «Неприятный инцидент имел место во время встречи Коридзе, когда президент Международной любительской федерации борьбы Роже Кулон вопреки логике вмешался в происходящее. Судьи не согласились с его мнением, но были вынуждены

Сборная Грузии. Сидит второй справа - А.Коридзе. Москва. 1956

принять требование президента. Только вмешательство авторитетного руководства советской сборной спасло Коридзе от этого губительного решения. Но вместо чистой победы ему присудили победу по баллам».

После таких больших потрясений Коридзе вышел на решающий золотой поединок с борцом из Югославии Бранко Мартиновичем. Бранко славился своим железным мостом, и Автандил немедленно повел результативные атаки. Финальный удар гонга застал югославского борца в отчаянном положении на мосту, в очередной раз вынужденного доказывать его железную прочность. Так пришла к Коридзе его самая громкая победа – он чемпион Игр.

Вечером 31 августа в Олимпийской деревне чествовали героев дня – победителям тут же, на турнирном ристалище, присваивалось звание заслуженного мастера спорта. Аркадий Ленц, поздравив Коридзе с золотой медалью, не забыл поблагодарить и Гиви Картозия за его «шефскую» помощь: «Спасибо, Гиви! Это и твоя медаль!»

Через год, в июне, кавалер ордена «Знак Почета» Автандил Коридзе подтвердил свое звание сильнейшего на планете. На чемпионате мира в Иокогаме, в стенах древнейшего японского университета. Среди соперников – знакомые все лица. Пояк, Мартинович, Нордруп, Доган... В таком порядке они расположились вслед за Коридзе после трехдневных соревнований. Наш атлет и на этот раз остался верен своему красивому наступательному стилю и заслуженно стал чемпионом мира. Мартиновичу не удалось расщелкаться с римским долларом.

Победы не изменили характера чемпиона, он оставался добрым, скромным, внимательным к друзьям. Вспомнились слова Картозия, который сам был эталоном человека и чемпиона: «Автандил с детства привык заботиться о других... Я других таких, как он, больше не

знаю».

Через полвека после римского триумфа Коридзе мы сидим в редакционном кабинете журнала «Русский клуб» с Мерабом Гудушаури и вспоминаем, каким борцом высочайшего класса был его друг.

«Он выделялся даже на фоне таких гигантов, как Пункин, Васин, Росин, Коршунов, Родин. Такое по силам только очень большому мастеру».

Мераб Ираклиевич рассказал об одной истории на сборах в Москве, участником которых он был. За неделю до начала соревнований нескольких молодых борцов, выполнявших роль спарринг-партнеров, сняли «с довольствия» после завершения сборов. Им предложили разъехаться по домам. Все, понятно, очень расстроились – так хотелось увидеть чемпионат. Коридзе понял их и втайне от начальства оставил жить в своей комнате.

Гудушаури: «Мы спали вчетвером на разосланном на полу матрасе. Автандил делился с нами едой, уверяя нас, что должен сбросить вес, и мы ему должны в этом помочь... Когда я в 1960 году стал чемпионом Советского Союза, Автандил так радовался, будто сам выиграл золотую медаль. Я скажу так: чужую радость и чужую боль он чувствовал острее, чем свою».

Мой собеседник надолго задумался, молча курит. Потом говорит мне: «15 апреля – день рождения Автандила. В этом году ему исполнилось бы семьдесят пять».

Не исполнилось – после того страшного апрельского дня 1966-го, когда вместе со своим другом и также фантастически одаренным борцом Романом Дзanelадзе в одной машине оба погибли в автокатастрофе.

«Напиши об Автандиле, как он того заслуживает, – говорит мне Мераб Гудушаури. – Если там действительно что-то существует, он нас услышит».

Арсен ЕРЕМЯН

МУЗЫ НЕ МОЛЧАЛИ

Знаменательную дату – 65-летие Победы над фашизмом отмечает человечество. Отмечает и Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» – им подготовлены и изданы специальный майский номер журнала «Русский клуб», уникальный настольный календарь и карманный календарик, музыкальный диск с военными песнями в исполнении известных грузинских артистов театра и эстрады и многое другое. Среди юбилейных проектов МКПС – сборник военной лирики грузинских поэтов в переводе российских собратьев по перу и оригинальных на русском языке «Обелиск». Именно о нем хочу сказать особо.

«Обелиск» – стихотворения о военном лихолетье 1941-1945 годов, о Великой Отечественной войне. Лирика представлена сорока пятью поэтами, среди них народные поэты, академики, военные корреспонденты армейских газет, литераторы, пришедшие в студенческие аудитории с фронта.

Поэтическое наследие о Великой Отечественной войне, самой кровопролитной из войн, если следовать алфавиту – от Александра Абашели до Алеко Шенгелиа. И как точно и хорошо сказано в предисловии сборника, они незримо присутствуют на книжных страницах. Живые и мертвые.

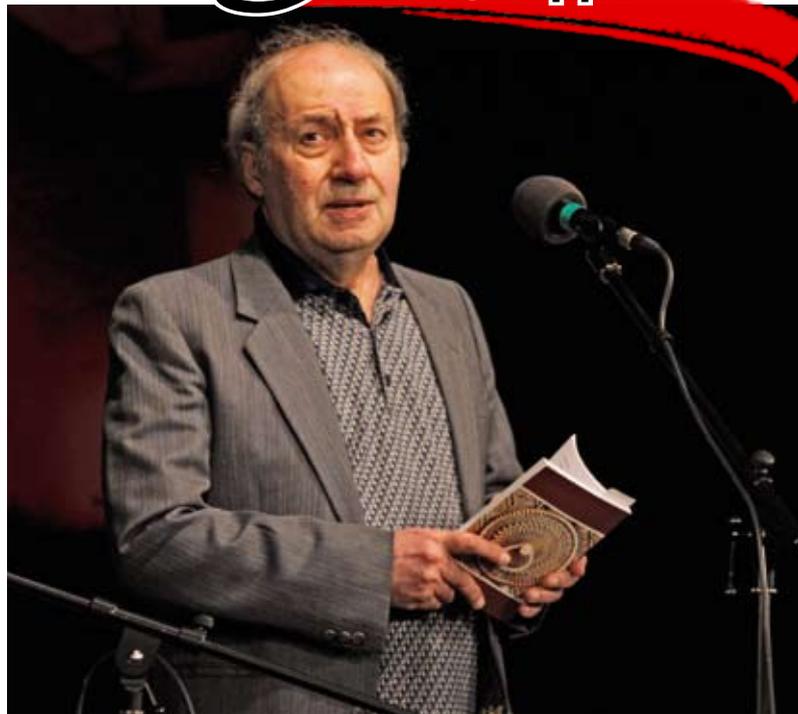
Кроме стихов поэтов, читатели имеют возможность прочитать прекрасный рассказ классика грузинской литературы Константина Лордкипанидзе «Цабуня».

Сборник – памятник, веха и еще явление, отмечающее величие и подвиги Великой Отечественной. Название идет от одноименного стихотворения сборника. Оно удивительно к месту.

Запоминается эпиграф из стихотворения Мирзы Геловани (автор статьи знал его как первого погибшего на войне грузинского поэта – в 27 лет!): «И ты идешь. И кровь на белом свете./ И ничего от смерти не спасет, –/ одно спасенье есть: убийство смерти».

Очень удачно подобраны иллюстрации. Это постоянное присутствие в «Обелиске» главного сталинского приказа: «Водрузить знамя Победы над рейхстагом!» Этот исторический момент запечатлен на форзаце книги. Среди участников этого исторического события и наш земляк Мелитон Кантария, Герой Советского Союза. Здесь же хочу отметить, что его могилу в селе Джвари благоустроили, как и близлежащую территорию, по инициативе «Русского клуба».

В книге нашли отражение и ноябрьский парад в Москве 1941 года и Парад Победы 1945 года, и другие события. Нашел свое место и знаменитый плакат-воин художника Ираклия Тоидзе «Родина-мать зовет!», исторические документы того времени – обращение по радио и опубликованное в «Правде» Председателя Государственного Комитета Обороны И.В. Сталина 3

Арсен Еремян на презентации «Обелиска»

июля сорок первого, и главное, его пророческие слова: «Наше дело правое, враг будет разбит. Победа будет за нами!» из Заявления Советского правительства 22 июня 1941 года.

Среди иллюстративного материала немало снимков, отмечающих участие в Великой Отечественной войне наших земляков. Таково назначение страницы о Серго Закариадзе, его встрече с Маршалом Советского Союза Василием Чуйковым, кадр из фильма «Отец солдата» и памятника с одноименной скульптурой Мераба Бердзенишвили в Гурджаани.

Особого внимания заслуживает вступление к сборнику президента Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб», заслуженного деятеля искусств РФ Николая Свентицкого – с удачным заголовком «Бой вели не ради славы». И многие вспомнят продолжение поэтической строки – «...ради жизни на земле». Руководитель МКПС как всегда, кратко, содержательно и высокохудожественно пишет о том, что около семисот тысяч сынов и дочерей Грузии сражались в годы Великой Отечественной войны, триста тысяч воинов не вернулись из боя. Грузия внесла свой весомый вклад в великое и трудное дело Победы.

Теперь о самом содержании сборника. Отбор стихотворений различных авторов следует одобрить. Стихотворения поэтов Грузии представлены в прекрасных переводах, хотя есть и написанные на русском языке (Б. Окуджава, А. Еремян). Но, в основном, это переводы, и переводчики первоклассные, выдающиеся русские поэты Анна Ахматова, Борис Пастернак, Михаил Светлов, Евгений Евтушенко, Белла Ахмадулина и другие. Сразу отметим, что переводы не устарели, они точны, поэтичны и дают представление о творчестве грузинских поэтов, сохраняют аромат, насыщенность и значимость оригиналов. К чести составителей сборника (А.Еремян, Э.Квитаишвили) помещены удачные переводы, отлично звучащие на русском языке.

Дмитрий ТУХАРЕЛИ

Дмитрий Тухарели

ДВОЕ В СЕРЫХ ШИНЕЛЯХ

Профессору Дмитрию Александровичу Тухарели 85 лет! Это далеко не век, но судьба преподнесла ему немало событий, которых с избытком хватило бы на несколько жизней. Он родился в 1925 году. Позади годы опустошительной гражданской войны, когда брат шел на брата; через несколько лет – сплошная коллективизация сел. В ходе ее наломали немало дров, разорили хозяйства-дворы и сослали куда Макар телят не гонял множество крепких земледельцев, этих кормильцев страны. И семьи рода Тухарели, принадлежащего к числу наиболее родовитых и знатных (на картах Грузии XIII и XVI веков есть область Тухарели и крепость Тухариси, сейчас они в пределах Турецкой Республики), изгнали из родного села Метехи, что в Каспском районе. Это еще не все беды, выпавшие на долю его поколения.

Сын служащего-железнодорожника, Дмитрий учился в русской школе. Но шла война, и в сорок втором им засчитали окончание среднего образования и призвали в армию. Будучи курсантом училища Дмитрий принял участие в операциях на Северном Кавказе и Калмыкии, дважды их перебрасывали в Крым, довелось даже видеть участников Ялтинской конференции глав правительств СССР, США и Великобритании (февраль 1945).

Дмитрий Тухарели, уже в звании капитана, уволился из армии «в связи с переходом на учебу», сдал экзамены в заочный юридический институт, но скоро убедился, что эта деятельность не отвечает его призванию. Подал заявление на заочное отделение филологического факультета Тбилисского государственного университета имени Сталина, а потом ректор Николай Николаевич

Кецховели перевел его на четвертый курс очного русского отделения филфака.

Среди однокурсников Д.Тухарели был будущий поэт Булат Окуджава, который также пришел в учебные аудитории в военной шинели. Их учителями были Серги Дanelия, Вано Шадури, Анна Чхеидзе, Наталья Орловская, Георгий Гиголов...

Воинская выучка, взятые в училище уроки самбо, сказались на характере студента Тухарели – он часто бывал замечен в драках, после одной из них сильно пострадали кусты в университетском саду – предмет особой гордости ректора, который мог сказать строптивому студенту несколько измененные слова классика литературы: «Александр Македонский был великий человек, но зачем кусты ломать» и перевести проштрафившегося на заочное отделение.

Нико Кецховели оказался справедливым человеком, в дальнейшем никак не препятствовал поступлению в аспирантуру задиристого филолога. 25-летний Тухарели наряду с Тенгизом Буачидзе стал аспирантом кафедры русской литературы у Вано Шадури, сменившем обвиненного в космополитизме Серги Дanelия. С именем нового заведующего кафедрой связывают начало фундаментального изучения грузинской русистики в ТГУ. Шадури один из столпов научной дисциплины – литературные взаимоотношения. Но Тухарели избрал другой путь в науке. На него, несомненно, повлиял опыт участия в студенческой научной конференции «Пушкин и литературы народов Закавказья», когда будущие светочи

Майя Тухарели - стипендиатка К.Кекелидзе. 1978

науки республик-соседей цитировали в своих работах одни и те же стихотворения и, естественно, независимо друг от друга приходили к одинаковым выводам. Сегодня со свойственным ему юмором рассказывает: «Трое написали работы о связях М.Горького с Грузией. Один диссертант уточнил, что керосинка стояла не в левом углу окна полуподвального дома, где жил Пешков, а в

Участники Всесоюзной Пушкинской научной конференции в Казбеги. 1971

правом. А если кто читал высказывание, что М.Горький великий писатель, всегда находился другой, кто считал, что это списано у него!» Как секретарь кафедры, через которую шли работы по русской литературе, Дмитрий Тухарели уточнил, что в двух работах все же содержатся различные данные.

Его научным руководителем оставался Вано Семенович Шадури, но молодой соискатель ученой степени кандидата филологических наук выбрал чисто «русскую» тему: «В. Маяковский в борьбе за мир в 1927 году», успешно защитился и стал специалистом по Маяковскому. Докторская диссертация Тухарели охватывала область теории – «Источники и литературное произведение», рассматривая «секреты» писательского мастерства, анализируя как рождается образ. Привлекая материал многих произведений мировой литературы, ученый открывает завесы святая святых – лаборатории писателя, психологию творчества, особенности создания некоторых специфических жанров. Эта работа нашла отражение в монографии Д.Тухарели «Рождение образа» (Тбилиси, «Мерани», 1983).

С защитой докторской диссертации Д.Тухарели связан забавный случай, о котором он рассказывает с присущим ему юмором. Проректор, член Совета, прямо заявил соискателю, что в столь «юном возрасте» замахиваться на докторскую ему не к лицу. Уже ознакомившись с диссертацией, вынужден был признать: «Претензии Дмитрия Тухарели совсем не преувеличены», при этом пожурил кандидата: не учтена его работа 1947 года.

Сейчас самое время нам, бывшим студентам Дмитрия Александровича, высказать слова горячей благодарности за его подвижнический труд в стенах ТГУ, этом храме науки. С 1953 года Д.Тухарели был сотрудником кафедры истории русской литературы, последо-

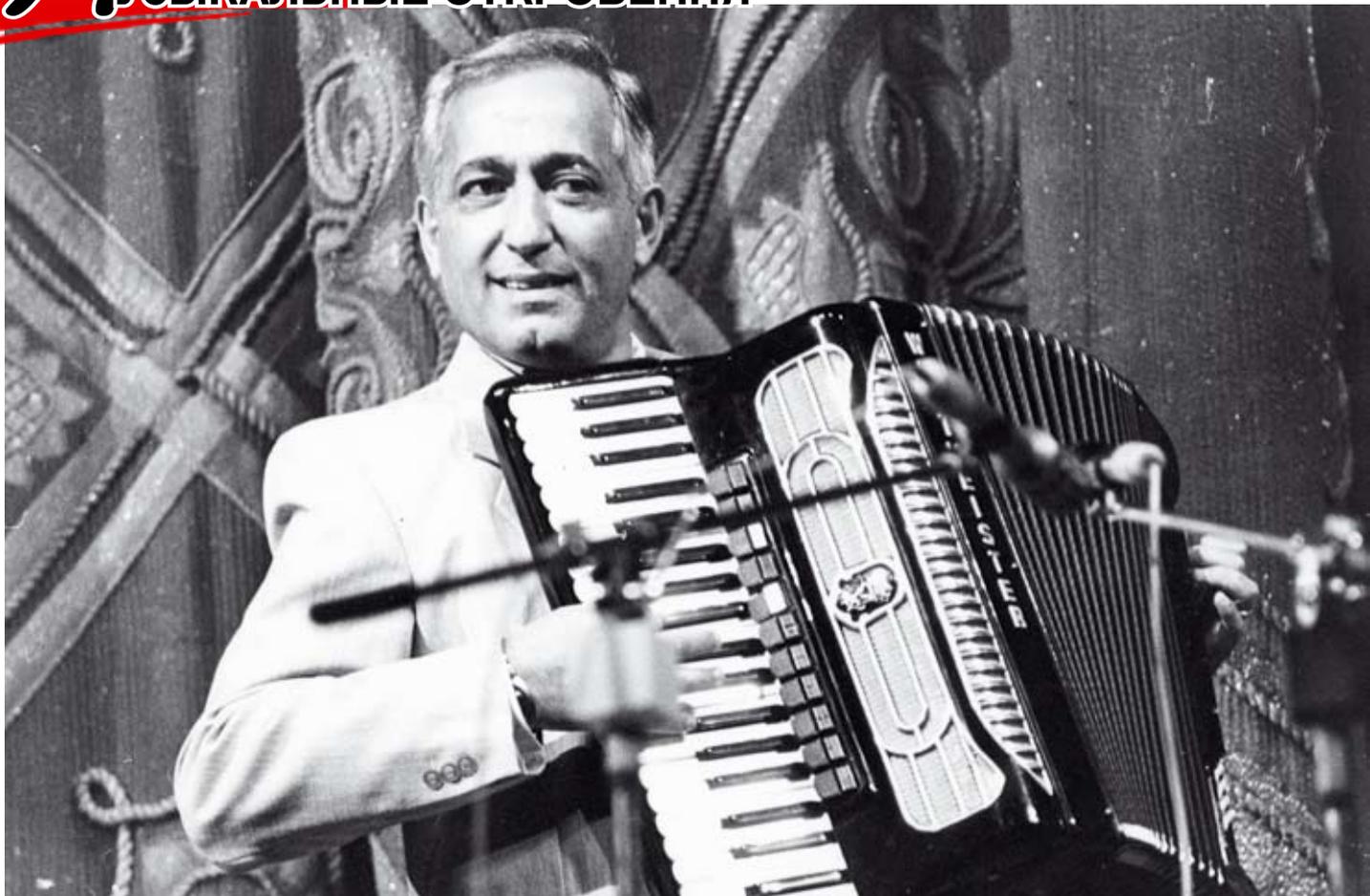
вательно пройдя ступени научного роста: старший преподаватель, кандидат, доцент, доктор филологических наук, профессор (с 1972). С середины пятидесятых стал секретарем кафедры и до 2005 года, сокращения и ухода на пенсию, писал отчеты о лекционной, научной и общественной работе кафедры; он автор свыше двухсот публикаций, работ по вопросам обстоятельств в литературе, биографизма, поэтической детали, творческой фантазии. Принимал самое деятельное участие в издании ежегодных трудов кафедры «Грузинская русистика» (вышло 12 томов). Читал лекции по теории литературы, истории древней русской литературы, современной литературе, истории детской литературы; вел спецкурсы: творчество В. Маяковского, новые веяния в литературе и литературоведении, социальное и общечеловеческое в литературе, языковые проблемы в аспекте литературоведения... Организатор, участник и докладчик всесоюзных научных конференций, среди которых самые значительные, самые главные Пушкинские (1971, 1974, 1979, юбилейная 1999). Подготовил 18 аспирантов, 16 из них успешно защитились.

Наш рассказ о ученом-юбиляре Д. Тухарели был бы не полным, если не сказать о его семье – супруге, Зое Петровне Тухарели-Сотниковой, которая так и не успела при жизни защитить докторскую диссертацию «М. Шолохов и грузинская общественность» – начались в ту пору гонения на великого русского писателя, лауреата Нобелевской премии, их дочери Майе Тухарели, которая как и отец – доктор филологических наук, профессор. Оба родились 11 июня.

Так что есть повод обоим поздравить с днем рождения во славу русской литературы и грузинской науки, пожелать им большого счастья, радости и здоровья.

Мравалджамиер, славная семья ученых Тухарели!

Арсен ЕРЕМЯН

Роберт Мерабов. Москва. 1991

КОГДА ПОЕТ АККОРДЕОН

«Музыкальный самородок», «замечательный аккордеонист и органист», «виртуоз игры на аккордеоне» - так высказывались в печати почитатели таланта Роберта Мерабова, солиста Грузинской филармонии и органиста тбилисской лютеранской церкви, возродившего значение почти вышедшего из обихода аккордеона. Концерты, которыми этот музыкант отметил свое 70-летие, можно с полным основанием назвать историческими; программа под заглавием «От Баха до Пьяцоллы» охватывала культурный период почти трехсотлетней давности.

Корреспондент «РК» беседует с юбиляром.

- Какие впечатления пробудили в вас интерес к музыке, и с какого инструмента началось образование?

- Помните прекрасный фильм о судьбе балерины «Все началось с фуэте»? Для меня судьбоносным оказалось событие раннего детства, повод к которому вряд ли сегодня покажется благовидным. Вернувшись с фронта, мой родственник привез аккордеон, в качестве «трофея». Звуки аккордеона меня завораживали, я захотел иметь такой инструмент, но мама, оставшись после войны вдовой с двумя детьми, не могла позво-

лить такую роскошь. Мои подружки, близняшки Лиана и Виола Галумовы, которые занимались музыкой, очень переживали за меня, и тогда их мать, тетя Седа уговорила маму занять у нее деньги и исполнить заветное желание сына. Так я стал обладателем концертного аккордеона. Без посторонней помощи сумел разобраться в особенностях его строя и стал подбирать по слуху не только песни, советских композиторов, но и народные мелодии, пока мне не посоветовали поступить в музыкальную школу-десятилетку при Доме офицеров.

- Расскажите о своих первых педагогах.

- Начну с директора школы, Елены Антоновны Когаровой, специалиста по вокалу. Музыкальное образование она получила в Париже, долго выступала на сцене, а завершив карьеру певицы, с головой окунулась в преподавательскую работу. Блистательный педагог, она поражала глубиной эрудиции и щедро делилась своими знаниями (не забуду, с каким очарованием она подвела меня к жанру пасторали, который я еще не знал). Я был свидетелем интересных, очень результативных занятий Елены Антоновны с Иосифом Кобзоном, который проходил армейскую службу и был участником ансамбля песни и пляски Закавказского военного округа.

- Елена Когарова не преподавала вам ни одного предмета, почему же вы считаете ее своей учительницей?

- Действительно, формально я не был слушателем ее уроков. Но она заложила в нас, воспитанников десятилетки, основы нравственности, дала направление культурным интересам. Навсегда запомнил девиз под стеклом на ее письменном столе: «Строгость не долж-

на быть мрачной, мягкость расслабляющей. Древние греки».

- Кто же стал вашим педагогом по специальности?

- Меня зачислили в класс Терезы Хитаровой, и это было большой удачей. К тому же моя учительница оказалась прекрасной пианисткой, благодаря ей я познакомился с новым инструментом; в памяти меломанов старшего поколения, должно быть, сохранился исполнительский дуэт Хитарова - Шмуклер (фортепиано, скрипка), частый гость голубого экрана на заре грузинского телевидения. Другой инструмент – саксофон; на нем играл муж Терезы Георгиевны, известный джазмен Константин Кишмишев. Поначалу я занимался с большим рвением, но постепенно начал охладевать к занятиям. Меня останавливала мысль, что предстоит учиться очень долго, а я, как мне казалось, достаточно овладел инструментом, и, к огорчению мамы, решил уйти из школы. Но Хитарова, вняв просьбам матери, обещала, что приложив соответствующие усилия, я смогу пройти курс за сжатый срок. В результате в восемнадцать лет я получил аттестат и был оставлен педагогом в десятилетке, где проработал четыре года (1959-1963). С удовольствием вспоминаю об этом времени. Елена Антоновна была инициатором множества мероприятий, которые запомнились интересными встречами. Особенно дорого знакомство с замечательной супружеской парой - Рафаэлом Казаряном и Ириной Спицной; дружба с ними длилась до конца их дней.

- Каким вам запомнился Рафаэл Казарян?

- Я воспринимал его как явление - музыкант от Бога. Это был утонченный, можно сказать, энциклопе-

дически образованный интеллигент и остроумный собеседник. Не имея академического образования, он ставил перед собой смелые задачи, успешно доводя их до конца. В 21 год он уже руководил хором из ста человек. А блистательный детский ансамбль «Мзиури», основание которого после смерти Казаряна стали приписывать себе столько «добровольцев?» Нас сильно сблизила работа в Грибоедовском театре. Рафаэл занимался музыкальным оформлением спектаклей. Я начал участвовать в них с аккордеоном. В «Барабанщице» Арбузова, где я аккомпанировал Наталье Бурмистровой в роли Нилы Снежко, моим коронным номером стал канкан. Это было в юности; спустя десятилетия судьбе угодно было вернуть меня в этот театр. Мне выпала честь участвовать в замечательном моноспектакле «Ангелова кукла» (2006 год, режиссер Д.Егоров), сделать музыкальное оформление и озвучить его на аккордеоне. Зрители с большой теплотой отнеслись к этой музыке, а присутствовавший на спектакле Темура Чхеидзе, художественный руководитель театра им.Г.Товстоногова в Санкт-Петербурге, после спектакля подошел со словами: «Ты меня потряс!»

- Что было после 1959 года?

- Я уехал в Москву, чтобы продолжить учебу в училище имени Гнесиных на факультете народных инструментов. Конкурс был огромный: около пятидесяти человек на место. Преобладали баянисты – аккордеон как инструмент «западного происхождения» котирировался меньше, однако отношение к нему со стороны комиссии было самое благожелательное. Я тщательно готовился к вступительному экзамену, представил серьезную программу, но меня попросили сыграть что-нибудь из фольклорного репертуара; исполнив армянскую народную песню, я единственный из абитуриентов удостоился высшего балла и был зачислен в класс баяниста-виртуоза доцента Анатолия Суханова. Среди изучаемых предметов особое значение для меня приобрела игра на фортепиано, и я в дальнейшем смог участвовать в эстрадных ансамблях как пианист. Особенно часто это случалось во время работы в ансамбле «Под небом Тбилиси», которым руководил Эдуард Сепашвили – на протяжении почти пяти лет я регулярно ездил с ними на гастроли.

- Вы говорили, что выступать с сольной программой начали в 1988 года. А что было до этого?

- Участь в Москве, старался не прерывать связи с Тбилиси. По этой причине через два года после поступления сделался заочником. Вошел в число руководителей ночного клуба «Мухамбази», где играл на аккордеоне, рояле, банджо, ионике. Начал работать в открывшемся молодежном кафе «Метро» в здании гостиницы «Иверия». Фортепиано в зале не было, и мой инструмент всегда приходился «ко двору». К нам присоединялись российские музыканты такого класса, как Борис Рычков или Андрей Толмасын, тоже прекрасный трубач. Позже, когда Тенгиз Чантладзе, этот «грузинский Аркадий Райкин», как его называли, основал театр миниатюр «Энки-бенки», меня пригласили его музыкальным руководителем и исполнителем. Музыкальное оформление главным образом рассчитывалось на квартет исполнителей, который сопровождал все спектакли. Мне часто приходилось импровизировать. Вообще я всегда любил выступать, и филармония поощряла это. В 1969 году по решению тогдашнего директора Гугули Кипиани меня направили на конкурс

в Саксонию, в Клингенталь, город, производящей аккордеоны фирмы Weltmeister. Нравилось ездить на гастроли, особенно в города Ставропольского и Краснодарского краев, где сотрудничал с ансамблем Юрия Саульского, группой «Доктор Ватсон», аккомпанировал на вечерах художественного чтения Нелли Зурабовой. Большая дружба связала меня с ведущими наших концертов Валентиной Печериной и Валерием Кочергиным. Но все это отошло в прошлое после того, когда я осознал свое настоящее призвание.

- *Пожалуйста, поясните.*

- Однажды передо мной с ужасающей ясностью возникла картина падения популярности аккордеона в сознании массового слушателя, в то время, как баян по-прежнему держит высоту. Я решил спасти репутацию инструмента, продлить ему жизнь, помочь восстановить былой имидж, и не только игрой, но и просветительским словом. Новый директор филармонии Роберт Чернов помог подготовить афиши, и я стал выступать в гала-концертах «Вчера и сегодня». Перед началом игры я рассказывал об истории инструмента.

- *Наверно, название афиши подразумевало и охват репертуара, который расширяется с каждым концер-*

том?

- Вы правильно его прочли.

- *А теперь перейдем к другой стороне вашего исполнительства – игре на органе. Как вы приобщились к лютеранской церкви?*

- Однажды, в начале 90-х годов я повстречался с Вальтером Моритцем, которого знал как вокалиста. От него узнал о немецкой общине, члены которой группировались вокруг парка АРТО. «Выручи нас, - попросил он, - мы так хотим, чтобы на наших сходах пение звучало с аккомпанементом!» Я серьезно занялся изучением немецких духовных песнопений и всячески способствовал их изучению членами общины. К нам часто приходила известная оперная певица Ольга Кузнецова, немка по происхождению. За деятельностью общины пристально наблюдал профессор Саарбрюккенского университета Гердт Хуммель; ученый-теолог, он занимался научными контактами с ТГУ им.Ив.Джавахишвили, и в 1991 году был удостоен звания почетного доктора Тбилисского госуниверситета. Видя, с каким энтузиазмом ведется в грузинской столице возрождение церковных традиций, он продал свой дом и переехал в Тбилиси, пожертвовав все средства на строительство церкви Примирения; здесь он стал епископом и оставался им до конца своей жизни. К каждому приезду господина Хуммеля я обновлял репертуар произведениями для органа, о котором втайне мечтал, и церемонию закладки фундамента (1995) открыл, играя токкату и фугу Баха. Хочу рассказать еще об одном деянии Гердта Хуммеля. Как известно, для построения лютеранской церкви был выделен участок на территории бывшего немецкого кладбища. Перед закладкой фундамента по инициативе этого деятеля было решено вырыть из-под земли кости и заново захоронить их. Неожиданно господин Хуммель пригласил меня в Германию. 3 января 1996 года мы были уже в Саарбрюккене, и в музыкальном центре я дал на аккордеоне концерт из органных произведений. В Страсбурге меня пригласили на день рождения проректора университета, и тут произошло чудо; объявили, что наша церковь, строительство которой близилось к концу, получает в подарок орган. Главным «виновником» этого высокотожественного события мог быть только доктор Хуммель- иначе как просочилась информация о наших тбилисских делах? Я стал думать о том, как выразить признательность этому выдающемуся человеку. К счастью, в Саарбрюккене работал органист Гриша Мешвелишвили, выпускник Тбилисской консерватории, встретившись с которым я поведал о своих сомнениях. «Лучшее, что ты можешь сделать-это посвятить этому человеку музыкальное приподношение из произведений Баха», – посоветовал он. Окрыленный этой идеей, я вернулся в Тбилиси. Но где найти подходящее помещение? На помощь пришел менеджер гостиницы «Метехи» господин Браун. Узнав, о чем идет речь, он любезно предоставил зал, отказавшись от оплаты. Этот незабываемый вечер (13 декабря 1996) сопровождался комментариями музыковеда Евгения Мачавариани, который, со свойственным ему остроумием, щедрыми пригоршнями рассыпал шутки, и никто не догадывался, как далеко зашла его болезнь - жить ему оставалось совсем немного ... Строительство евангелическо-лютеранской церкви завершилось в 1998 году, и я вступил в должность органиста, им остаюсь.

И ОЩУТИЛ НАРОД ПОТЕРЮ

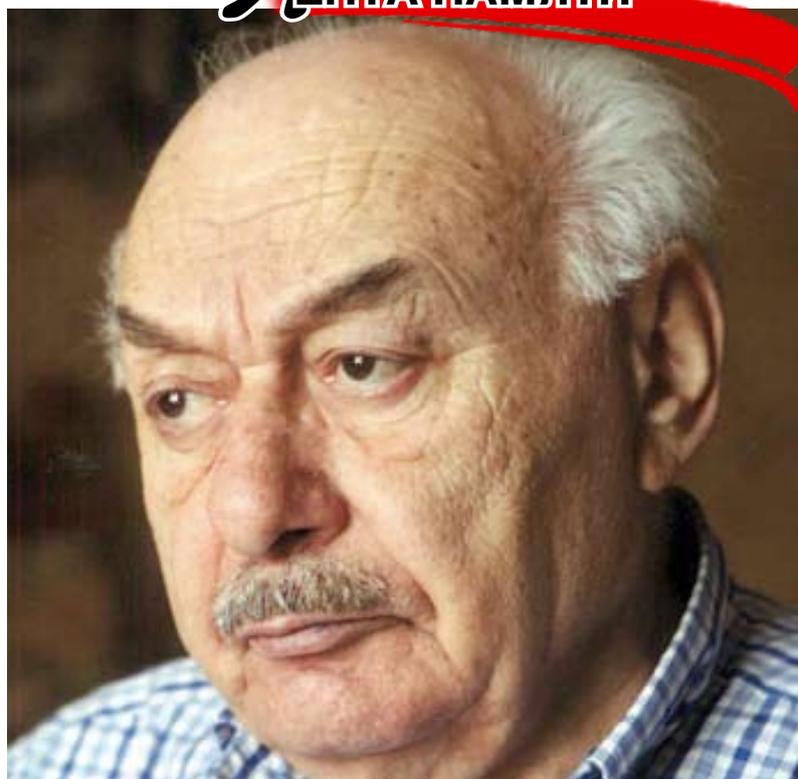
Я заканчивал школу, когда мой старший друг, поэт Шота Чантладзе познакомил меня с Мухраном Мачавариани. Было это в Верийском парке. С ними находился еще один поэт - Гиви Дзнеладзе, человек редкой доброты. Мухран сразу выделялся своей внешностью: высокий, широкоплечий, с гривой темных волос, спадавших на плечи, одетый обычно в темную сорочку, либо в свитер грубой вязки, что невольно вызывало в памяти древнегрузинских рыцарей в кольчугах. Шапку не носил, круглый год ходил с непокрытой головой. Речь его была неторопливой и, если бывало, рассказывали что-нибудь смешное, смеялся громко от души. Гиви, напротив, был невысокого роста, плотный, даже полный, с теплым взглядом больших голубых глаз. Шота – худощавый, темноглазый. Все трое были неразлучными друзьями. Годы спустя они вместе блестяще перевели на грузинский язык известный финский эпос «Калевала». Шота Чантладзе, к сожалению, слишком рано ушел из жизни, не дожив до выхода этой книги.

Хорошо помню первые публикации стихов Мухрана, его выступления в салоне Союза писателей. Он сразу же привлек к себе внимание как поэт совершенно особого голоса и почерка. Совсем молодым создал он свои шедевры «Саба», «***лесом, лесом идет», «Конец XIX века или имеретинские поминки», «Трофеи царя Вахтанга», «Осень» и другие.

Наряду с традиционными классическими стихотворными формами, он часто и с успехом пишет верлибр и верлибр его тоже отличается оригинальностью. В подтверждение приведу фрагмент одного из его верлибров, где поэт на рассвете вешнего утра с такой страстью созерцает расцветшее дерево ткемали, словно «больной из больничного окна». Поэт рисует такие живые красочные картины, будто на огромной клеенке несравненная кисть Пиросмани кладет мазки. Вот, например, деревенское утро:

*Корову кирпичного цвета
доит полногрудая женщина.
Из розового вымени коровы
белые струи-палочки молока
поминутно высверкивают
и из черного глиняного кувшина
слышится звон, ритмичный стук их.
Утро...*

У Мухрана Мачавариани есть множество жанровых стихотворений с четко выраженной сюжетной осью, в которых он воскрешает эпизоды далекого или близкого прошлого и лепит впечатляющие образы реальных исторических лиц. Одно из этого ряда - «Пушкин в Тифлисе», в котором образ великого поэта обрисован с необычной теплотой и любовью. Здесь мы находим строки как из великолепного образца документальной прозы Пушкина «Путешествие в Арзрум», так и поэмы «Бахчисарайский фонтан» (они цитируются на языке оригинала). Любимая жена хана Гирея, грузинка несравненной красоты Заре-

Мухран Мачавариани

ма восклицает: «...кинжалом я владею, / Я близ Кавказа рождена».

Чтобы передать пафос и окраску этого стихотворения, прислушаться к голосам, доносящимся до нас из XIX столетия, приведу один фрагмент: «Тифлиса улицы его пленили.../Но что это? Кутеж в саду.../И князь там тамада! Кутеж на азиатский лад/ В разгаре.../Знакомьтесь, князь!/ Сам Александр Пушкин!»

Мне часто приходит на память одно, очень красивое и своеобразное стихотворение Мухрана Мачавариани «Поэт». Это стихотворение о себе самом, которое оказалось пророческим. Первые строки описывают рождение поэта ранней весной, в пору весенних полевых работ, когда все село в поле, все идут перед впряженными в плуг волами, и почти никто не знает о том, что родился будущий поэт. Автор тут же шуточно замечает, что тогда он и не заслуживал особого внимания. С удивительным динамизмом изображается процесс роста и возмужания юноши, открытия им чудес и тайн жизни, становление художника. Поистине с уитменовской остротой чувствует юный поэт неуязвимую прелесть природы. Восхваление жизни, неумная любовь к пейзажам имеретинского села пронизывает все его творчество, освещает его негасимой свечой. Конец стихотворения, финальный аккорд рисует картину смерти и погребения поэта («после подъема в народ спускается вниз по склону»). И если его рождение, как сам он пишет, осталось почти незамеченным, неожиданная гибель его оказалась шоком для всех и скорбной вестью пронеслась по стране.

*...когда плоть предали земле,
Когда лишь в стихе пульсировала
Кровь поэта, –
Страна содрогнулась
От тени и до пят,
И ощутил народ
Потерю поэта.*

С. Демурханашвили, М. Мачавариани, О. Челидзе, Т. Чантурия, Ш. Деметрадзе, Э. Квитаишвили, Г. Дзнеладзе. Конец 1960-х гг.

Так описывал Мухран Мачавариани свою смерть – и так произошло.

«От темени и до пят» был он озарен большим талантом и его пророческий дар обусловлен был именно его талантом. Рожденный весной, он и ушел от нас в весенний майский день, в то время, когда, по словам несчастного царя и поэта Вахтанга VI, умершего на чужбине, «нет ничего прекраснее весеннего Тбилиси».

Одним из лучших качеств Мухрана Мачавариани было то, что он всегда заботился о своих друзьях – живых и усопших. Когда в результате запоздалой операции скончался Шота Чантладзе, Мухран Мачавариани недолгое время спустя взял на себя издание его первого поэтического сборника. Гиви Дзнеладзе и я стали с ним рядом. Мы собрали и внимательно перечитали рукописи Шота, составили книгу, название которой, весьма эффективное, символичное, «Снег ушел – пришла земля», предложил Мухран. Он же написал небольшое предисловие. Книга вышла в издательстве «Мерани». Правда, по не зависящим от нас причинам, вышла сокращенная половину, но все-таки вышла.

А теперь вот три неразлучных друга снова вместе – там, в небесной Грузии. Я верю, что родственные души и там отыщут друг друга и останутся вместе навсегда.

Недавно мой старший друг Фридон Халваши признался мне, что из поэтов-тбилисцев больше всех он любил Мухрана. Каждый раз по приезде в Тбилиси Фридон сразу же звонил Мухрану Мачавариани и оба отправлялись в какой-нибудь тихий ресторанчик, заказывали

бутылку-другую приятного кахетинского и, благословив родину, помянув предков, затевали долгие разговоры о поэзии, читали друг другу стихи и засиживались допоздна. «Ничто не заставит меня забыть эти вечера», – сказал Фридон, и я увидел слезы в его глазах.

В мае Фридон пригласил Мухрана Мачавариани на свой юбилейный вечер (85-летие со дня рождения). Мы знали, что три года назад Мухран перенес сложнейшую операцию на сердце, поэтому Фридон сказал ему: «Если сможешь – приходи». Мухран ответил: «Конечно же приду, приду со всем семейством и выступлю». Увы, кто мог знать, что эта его речь оборвется на полуслове!

В тот вечер в театре Руставели мы с Фридоном стояли в фойе перед началом торжества. Мухран увидел нас, подошел, пожал нам руки, на наши вопросы бодро ответил, что чувствует себя хорошо.

В одном своем сакральном стихотворении Мухран Мачавариани обращается к своим великим предкам – Руставели и Сулхан-Саба Орбелиани (великолепный знаток «Словаря» Сулхан-Саба, Мухран был прекрасным лексикографом и оставил интересный труд по лексикографии). Последние строки этого стихотворения примечательны:

*Лишь потому я жажду жизни,
Чтоб на моей могиле
Маковым цветом
Горело Слово, грузинское Слово.*

Эмзар КВИТАИШВИЛИ

ЮНОША ИЗ АРГВЕТИ

1951 год, середина XX века. Я студентка-первокурсница филфака ТГУ имени Сталина (так именовался тогда Тбилисский государственный университет, одним из основателей которого был знаменитый ученый, историк Иванэ Джавахишвили). Первокурсникам все внове, все необычно, все таинственно интересно. Во всяком случае, так было тогда – нам открывался новый мир со своими канонами, со своей логикой, правилами, в котором действовали новые лица. Мы обретали новых знакомых, новых друзей, постигали дотоле неизвестные науки. И были еще другие курсы – старшие. Тогда младшие относились к старшекурсникам с особым уважением, и базировалось оно на грузинской традиции, идущей из глубокой древности, одной из тех, на которых зиждился моральный кодекс грузина – традиции уважения младших к старшим, которые богаче их знаниями и опытом.

В один из дней я увидела в нашем широком коридоре, в углу около окна, молодого человека, которому суждено было в не очень-то далеком будущем стать одним из виднейших и интереснейших поэтов Грузии двадцатого века.

Тогда я была знакома с Джансугом Чарквиани, хорошо знала Гиви Гегечкори, моего соседа по улице, с которым мы очень сдружились позднее, Отара Чиладзе. Мухрана Мачавариани знала визуально, но он сразу запомнился, лишь потом я узнала, что и он поэт и печатается в нашем альманахе «Пирвели схиви» («Первый луч»). Он был на пятом курсе и выделялся представительностью, ростом и тем, что большей частью стоял на переменах в одиночестве, был молчалив, серьезен и задумчив, и взгляд его темных глаз был устремлен куда-то вдаль. Одет он был по обыкновению в темную сорочку.

Прошли годы, я закончила университет и стала работать в только открывшейся редакции журнала «Литературная Грузия». Редакция наша находилась рядом с редакцией тоже только что открывшегося журнала «Цискари» («Заря»), на первом этаже уютного здания с патио в Соллаки, на улице Махарадзе, где стоял стол для игры в пинг-понг, и мы сражались невзирая на литературные звания. Тут я снова увидела Мухрана Мачавариани – он был сотрудником «Цискари». И снова я заметила затаенную грусть в его темных глазах. Она не исчезала даже тогда, когда остроты и шутки Тариела Чантурии, известного остролова «Цискари», вызывали всеобщий хохот и Мухран тоже смеялся со всеми. Это было время новых надежд, новых идей, время, когда повеяло ветерком манящей свободы... Вспыхивали новые литературные имена, появлялись новые произведения, в грузинскую многовековую литературу вливалась новая мощная волна, поток молодых писателей-шестидесятников: прозаиков, поэтов, переводчиков, критиков, литературоведов... Рассказы и повести Отиа Иоселиани, Арчила Сулакаури, Нодара Думбадзе, Тамаза Чиладзе, Резо Чеишвили, поэтические произведения Джансуга Чарквиани, Гиви Гегечкори, Шота Нишнианидзе – не стану перечислять, это был целый звездопад имен! Лучшие произведения в переводе на русский язык сразу же публиковались в нашей «Литературной Грузии» и отправлялись в близкие и дальние путешествия в русскоязычному читателю многих стран.

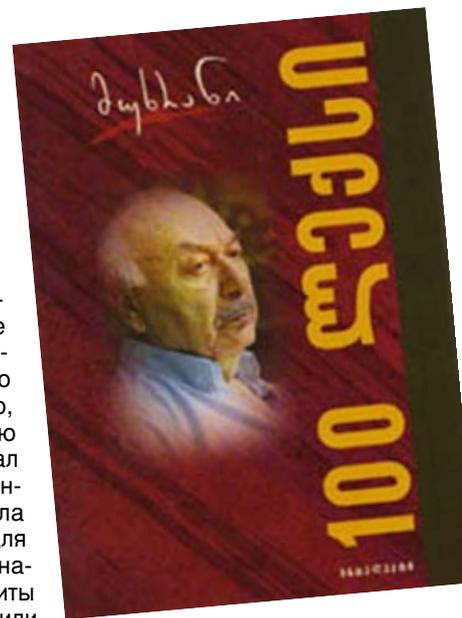
Знаменательно, что одновременно с тем, как в гру-

зинскую литературу вошло талантливое поколение молодых писателей, на широком горизонте русской литературы тоже вспыхнули целые созвездия новых имен. По традиции – и по обстоятельствам – многие молодые русские поэты потянулись к югу – в Грузию, в этот вечный город Кавказа – Тбилиси. Тем более, что тут загорелся гостеприимный очаг «Литературной Грузии». Завязывались новые творческие связи. Если грузинскую прозу, в основном, переводили переводчики «местного» происхождения – Элисбар Аниашвили, Наталья Чхеидзе и другие, не нуждавшиеся в подстрочниках, то поэзию, тоже в основном, стали переводить совсем молодые русские поэты – Белла Ахмадулина, Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Юнна Мориц, Юрий Ряшенцев и многие другие.

Вот в какой атмосфере и в каком многокрасочном мощном потоке выросла массивная фигура поэта Мухрана Мачавариани, юноши из живописного грузинского села Аргвети. Его поэзия, пронизанная патриотизмом и гражданственностью, великолепно зазвучала в блестящих переводах Е.Евтушенко и других выдающихся поэтов.

Мне кажется уместным вспомнить одну несколько необычную встречу с ним. Это было в конце семидесятых – время, когда в Грузии начинался новый исторический этап. Я пришла к Мухрану домой. Он жил тогда в конце Плеханова. Я принесла на подпись петицию о присвоении грузинскому языку статуса государственного языка. Зачем я пришла, Мухран не знал. Он гостеприимно принял меня, провел в свой кабинет, ничего не спрашивая. Люстра и большая настольная лампа мягким светом освещали комнату. Мы оба уселись – я в кресло, он за письменный стол. После ординарных фраз о том, о сем я протянула ему бумаги. «Вот, – сказала я, – Мухран, прочти, пожалуйста. Я уверена, что ты подпишешь это». Пока он читал, я смотрела на его лицо, оно становилось все более серьезным. «Вот оно что! – произнес он, дочитав до конца. – Потому-то ты пришла ко мне в такой поздний час. Разумеется, я подпишу!» И, взяв со стола авторучку, решительно, без колебаний поставил свою подпись. Лишь потом он стал рассматривать многочисленные подписи. Подобные дела были далеко не безопасны для обеих сторон, и ясно, что я намеренно совершала эти визиты в поздний час. Мы поговорили недолго, и я собралась уходить. «Спасибо, что ты пришла ко мне с этим», – сказал он на прощанье, пожимая мне руку.

Поэт зачастую бывает провидцем. И поэтому тревожно становится, когда автор в своем произведении говорит о собственной смерти. «Когда умру, оставьте балкон открытым...» Это Лорка. Он написал это совсем молодым. Бараташвили в знаменитом «Мерани» описывает свою одинокую смерть. У Мухрана смолоду тоже было предвидение своей смерти. Не потому ли темные глаза его таили непонятную грусть?..

Камилла-Мариам КОРИНТЭЛИ

Эмиль Золя

ЗАЩИТНИК ПРАВДЫ

В периодической печати Грузии материалы об Эмиле Золя появляются еще при жизни писателя. В русской прессе наибольший интерес представляют публикации, связанные с участием Золя в деле Альфреда Дрейфуса, офицера французского Генштаба, а также отклики на неожиданную кончину писателя в 1902 году. Характер этих материалов показывает, что имя автора было хорошо известно читателям и не нуждалось в специальном объяснении. Это несколько не удивительно, ибо на русский язык произведения Золя переводились немедленно после их появления во Франции. Золя стал известен в России, в 70-х годах и сразу привлек внимание публики.

По рекомендации Тургенева в 1875 году начал сотрудничать в журнале «Вестник Европы», где вплоть до 1880 года регулярно печатались его статьи о теории натурализма, которые позже были изданы на французском языке. В предисловии к сборнику «Экспериментальный роман» Золя писал о роли, которую сыграли в его жизни связи с русским литературным миром: «Да будет мне позволено выразить здесь публично глубокую мою благодарность великому народу, принявшему и усыновившему меня в ту пору, когда ни одна газета Парижа не печатала моих статей. В страшные дни нужды и отчаяния Россия вернула мне веру в себя. Я не могу говорить об этом без волнения и сохраню вечную к ней признательность». Действительно, в 70-х годах Золя пользовался в России гораздо большей популярностью, чем у себя на родине, а издания его сочинений на русском языке далеко превосходили тиражи оригиналов. Переводы некоторых романов были сделаны прямо с рукописи и появились в России раньше, чем во Франции. Некоторые произведения печатались одновременно в разных переводах. В 1890-х годах собрание сочинений писателя было издано на русском языке в 29 томах.

В конце девяностых исключительный интерес к Золя связан с его выступлением в защиту Дрейфуса, еврея по национальности. Печать всего мира отозвалась на знаменитое открытое письмо Золя «Я обвиняю», адресованное президенту Франции. Это письмо, требование о пересмотре дела Дрейфуса, несмотря на отсутствие доказательств, приговоренного к пожизненной каторге, а затем

привлечение самого Золя к суду – вызвали широкую полемику и способствовали резкому разграничению реакционных и прогрессивных кругов Франции.

В русской прессе Грузии происходившие во Франции события подробно освещались в трех регулярно выходивших тогда газетах. При этом, соответственно направлению этих печатных органов, оценка Золя как писателя и гражданина дается в них различно. Резко враждебную позицию заняла официальная газета «Кавказ», в которой акцентируется внимание читателей на выступления против Дрейфуса и Золя: «Весьма типично, что Э.Золя, всю жизнь торговавший пером и попиравший нравственные законы, теперь выступил в нелестной роли защитника предателя».

Показательно, что для освещения дела Дрейфуса в «Кавказе» нередко приводятся материалы из петербургской газеты «Новое Время», помещены выдержки из статьи редактора А.С.Суворина, в которой защищаются противники Дрейфуса и говорится об агрессивных действиях евреев против Франции и ее армии. Редактором

«Кавказа» в 1898 году был В.Л. Величко, придавший газете реакционный характер. «Позиция «Нового Времени», как известно, вызвала недовольство передовой российской общественности. Так, в письме к Суворину 6 февраля 1898 года Чехов касается выступления Золя и материалов судебного процесса, которые подтверждают несправедливость решения по делу Дрейфуса. «В деле Золя «Новое Время» вело себя просто гнусно», – писал он 23 февраля брату, Александру Павловичу.

Иной характер носят в частных газетах «Тифлиссский Листок» (редактор Х.Г.Хачатуров) и «Новое Обозрение» (редакторы Г.М. и В.М.Тумановы). В первой заметно стремление осветить детали, которые могли бы заинтересовать публику: это сведения о семье Дрейфуса, о дуэлях между представителями двух ожесточенных группировок. В то же время опубликованные в газете сообщения создают правдивую картину происходящего: в первой половине января больше указаний на манифестации против Золя, но уже в номере от 17 января отмечается, что «преобладающий элемент демонстрантов составляют воспитанники иезуитских школ и наемные бродяги», которым публика начинает давать отпор. Очень ценно, что в газете приводятся выдержки из открытого письма-памфлета Золя «Я обвиняю», из его выступления и бесед с корреспондентами: «Акт, который я совершаю, есть только революционное средство, имеющее целью ускорить взрыв истины и справедливости...», «...Наступит день, когда Франция поблагодарит меня за то, что я спас ее честь...».

Объективно оценивается в газете реакция французской прессы на вынесенный судом обвинительный приговор, указано, что он вызвал ликование реакционной печати, но в то же время приводятся высказывания прогрессивных газет, выступивших в поддержку Золя. «Мы гордимся тем, что боролись рядом со знаменитым защитником правды... Мы победим»; «Мы по-прежнему стоим прямо и готовы вступить в бой».

Реакцию европейских стран на дело Золя раскрывают посланные ему письма и телеграммы. Из них особенно интересно полное восторженных оценок письмо норвежского писателя лауреата Нобелевской премии Б.М.Бьернсона: «Один против миллионов, может ли быть что-нибудь благороднее этого! Европа восхищается тем, что вы сделали».

В поддержку Золя выступила и газета «Новое Обозрение». В ней также опубликованы различные материалы из мировой прессы, приводятся высказывания Льва Толстого и других деятелей. Но особенно ценно, что в газете печатались интересные статьи ее собственных сотрудников. О значении дела Золя и Дрейфуса говорится в статье «Европа в 1898» публициста и общественного деятеля Г.М. Ласхишвили (псевдоним – Лали). Перу писателя-публициста И.И.Сведенцова (псевдоним Иванович) принадлежит передовая статья в номере от 17 февраля, посвященная вопросу приговора по делу Золя, написанная эмоционально и убедительно. Автор подчеркивает, что писатель боролся с коалицией шовинистов, клерикалов и антисемитов; враги Золя – это «люди, благосостояние которых обуславливается народным невежеством. Образованные, критически мыслящие французы выразили Золя свое сочувствие». В статье подчеркивается, что писатель выступает в защиту правового порядка; французы сумеют это оценить, и враги Золя, празднующие победу, «должны будут убедиться, что не они победили».

В обеих частных газетах можно встретить критические замечания в отношении позиции, которую вслед за «Новым Временем» занял «Кавказ». В статье Сведенцова эти газеты названы «литературными врагами прогресса», которые не одобрили выполнение Золя гражданского долга. В «Тифлиссском Листке» помещена критическая заметка по поводу публикации высказываний Толстого: «Мнение гр. Толстого «Кавказ» преподнес в извращенном виде..., повторив все то, что допустило «Новое Время» с речью Толстого».

Личность Золя продолжала привлекать внимание читателей и в последующие годы, особенно много материалов появилось на страницах газет осенью 1902 года, когда писатель погиб от угара в собственной квартире. На этот раз газеты были единодушны в оценке заслуг французского романиста. «Кавказ», в котором к этому времени сменился редактор, называет его «знаменитым писателем, обессмертившим свое имя во всем культурном мире». В статье затрагивается и художественный метод Золя, который считал, что «писатель должен держаться фактов, строгого изучения природы».

По сравнению с деловым характером помещенных в «Кавказе» сообщений, информация в частных газетах более подробна и разнообразна: приводятся отклики из разных стран, подробности о жизни Золя, его жене и родственниках, о завещании, сборе денег на памятник. Подробно описываются похороны писателя, перечисляются присутствовавшие на них видные лица. Особое внимание уделяется Дрейфусу, который к тому времени под давлением демократических сил страны Франции был помилован и уже вернулся во Францию. В газетах дается изложение речей, произнесенных на похоронах Золя; подробный текст выступления Анатоля Франса, которое произвело наиболее сильное впечатление.

В статьях «Тифлиссского Листка» и «Нового Обозрения» показан образ Золя-гражданина, борца за справедливость. Но, помимо этого, в них идет речь о его творческом пути и художественном методе. В «Тифлиссском Листке» он назван основоположником «натуралистического или экспериментального романа», указаны некоторые характерные для его творчества черты: интерес к проблеме наследственности, на которой построена 20-томная серия романов «Ругон-Маккары». Книги Золя пользовались колоссальным успехом и издавались огромными тиражами. Очень ценно, что та же газета поместила статью под названием «Как работал Золя», в которой приводятся высказывания писателя о работе над своими романами. В «Новом Обозрении» Золя назван «вождем натуралистической школы, олицетворением национальной совести и голосом здравого рассудка»; в «Ругон-Маккарах» подчеркивается «политическая сатира, бичующая режим второй империи». Газета приводит отзыв датского критика Георга Брандеса, назвавшего Золя «одним из величайших талантов нашего времени, произведения которого составили эпоху в истории романа».

Эти материалы позволяют сделать вывод, что на рубеже XIX-XX веков особенную популярность Золя приобрел своей ролью в деле Дрейфуса. Авторы статей восторженно отзываюся о его мужественном выступлении в защиту справедливости, которое, в частности, в «Новом Обозрении» от 8 октября 1902 года названо «эпическим деянием на память грядущим поколениям».

Наталья ОРЛОВСКАЯ

ВСЕЛЕННАЯ НАШЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Невозможно представить современного человека без газеты или книги в руках. Но привычно перелистывая страницы, едва ли мы вспоминаем о том, что не было бы в нашей жизни ни «Слова о полку Игореве», ни «Анны Карениной», ни завораживающих стихов Пастернака, да и всех знаний, что получали и ежедневно получаем, не было бы без магии тридцати трех графических значков, которые с детства входят в нашу жизнь под названием азбука.

Как возникло привычное нам сегодня письмо? Как вошло оно в жизнь русского человека? Любой из нас хотя бы понаслышке знает о византийских монахах-просветителях, подаривших славянам кириллицу и глаголицу. Но далеко не всем известно, что, оказывается, письменность была на Руси задолго до трудов святых братьев Кирилла и Мефодия. Получается, что на самом деле они не были отцами русской письменной речи, потому что за много лет до их рождения славяне уже использовали специальный алфавит для записей своих мыслей и наблюдений. К такому алфавиту относятся руны.

Славянские руны – письменность, существовавшая у древних славян до их крещения и создания кириллицы и глаголицы. Само слово «руны» возникло на основе славянской лексики. Так, в белорусском языке есть слово «рунь» со значением «ветхость». Имя славянского месяца сентябрь – «рюень». И, наконец, слово «руно» известно нам в значении клок овечьей шерсти. Есть еще выражение «рунить» (т.е. ворожить). Такое обилие понятий, связанное с корнем «рун», говорит в пользу его славянской этимологии.

Сохранились и письменные свидетельства, относящиеся к славянам. О существовании каких-то знаков для письма и гадания («черты ирезы») у славян-язычников писал черноризец Храбр в своем «Рассказе о славянской письменности»: «...погани не имаху письмен, но чертами и резами читаху и гадаху...» Ибн Фадлан, арабский посол в Волжской Болгарии в 922 году, рассказывал о нравах и обычаях русов, прибывших по торговым делам.

После ритуального сожжения умершего соплеменника русы оставили надпись на могиле: «Потом они построили на месте этого корабля, который вытащили из реки нечто, подобное круглому холму, и водрузили в середине его большую деревяшку хаданга (белого тополя или березы), написали на ней имя умершего и имя царя руссов и удалились».

В ранних церковных документах рассказывается о путешествии в 860-ых гг. Константина в Херсонес (Крым), где будущий создатель славянской азбуки готовился к церковному диспуту в Хазарском каганате: «В Херсоне Константину удалось найти «Евангелие и псалтирь роусьскими письмены писано», а также человека, говорящего на этом языке. Константин, беседуя с ним, научился этой речи и на основании бесед разделит письмена на гласные и согласные буквы и с помощью Божией вскоре начал читать и объяснять найденные книги».

Руны древних славян были знаками письменности, но в понимании волхвов рунические значки имели еще и особый тайный магический смысл, потому применялись

для некоторых видов гаданий и колдовства. До нас дошли 18 славянских рун. Сколько их было всего — никто не знает.

Известные ученые, исследователи древней культуры, базируясь на истоках истории, фактических записях и исторических документах, убедительно доказывают, что за много лет до основания христианства славянами использовалась не просто письменность, а целая система магических знаков, которые могут быть сравнимы только со скандинавскими рунами. В.А.Чудинов, известный рунолог, председатель Комиссии Российской Академии наук по истории культуры Древней и Средневековой Руси выполнил большое количество новейших дешифровок многочисленных надписей на средневековом славянском слоговом письме – рунице. Ее знаки археологи находят на предметах домашнего обихода, украшениях, предметах языческого и христианского культов. Судя по берестяным грамотам и многочисленным надписям на предметах, наши предки широко пользовались письмом в быту и государственных делах.

Первые сведения о рунических надписях появляются в России в конце XVIII века. По свидетельствам современников, руническим письмом в совершенстве владел Ломоносов, увлекались им Пушкин и Державин. Русские и зарубежные ученые скопировали и опубликовали некоторые образцы древних рунических надписей.

Согласно последним исследованиям, руническая письменность зародилась еще до нашей эры. Основным материалом для письма у древних народов были деревянные дощечки. Об этом говорят кипчакские пословицы: «Писал, писал - пять деревьев исписал», «Написал большую надпись на вершине высокого дерева». Они также свидетельствуют о широком распро-

странении письменности. Например, загадку «Подняв глаза, без конца читаю», означавшую небо и звезды, мог придумать народ, для которого чтение было обычным явлением. В описании славянского города-храма Ретры отмечается тот факт, что на идолах этого храма были нанесены надписи, выполненные «особыми», негерманскими рунами, а имена богов, высеченные на

идолах, были славянского происхождения. Арабский историк Ибн Эль Недим говорил о существовании славянского докириллического письма и даже показал в своем трактате рисунок одной надписи, вырезанной на кусочке дерева (знаменитая Недимовская надпись). В чешской песне «Суд Любуши», сохранившейся в списке IX века, упоминаются «дески правдодатне» - законы, записанные на деревянных досках некими письменами. До наших дней сохранился текст «Гимна Бояна», песнопевца Древней Руси - древнейшая славянская руническая рукопись IV века н.э.

Итак, святой Кирилл, по мнению современных исследователей, не создавал первую русскую азбуку. Придя на Русь, он обнаружил несколько систем письменности, существовавших за тысячелетия до него. Одну из них он несколько модифицировал, канонизировал и освятил. Затем святые братья Кирилл и Мефодий убедили весь христианский мир, что русский язык (церковнославянский) – священный, что подобает совершать богослужения на нем и записывать им канонические тексты. Благодаря этому Россия смогла со временем сделаться тем же самым, чем была Византийская империя. Изучение руницы и археологические открытия последнего времени доказывают, что средневековая Русь была одним из высокоразвитых государств Европы и еще в дохристианский период имела собственную оригинальную культуру и письменность.

Виктория ПОПОВА

«ЗАЯЦ, Я ПРИШЕЛ!»

И.Мегвинетухуцеси - Нина, В.Харютченко - Саша

Об успехе премьеры можно судить по тому, когда, посмотрев новый спектакль, зритель возвращается к нему, когда он продолжает жить в сознании. Именно таково мое впечатление от спектакля «Убить мужчину», поставленного Георгием Маргвелашвили на сцене Тбилисского академического русского драматического театра имени А.С.Грибоедова.

Это спектакль для театральных гурманов – т.е., искушенных зрителей, умеющих слушать монологи, вникающих в каждое сказанное актером слово, улавливающих «подводное течение». В то же время он может увлечь и публику, предпочитающую легкий жанр. Ведь здесь есть детективная интрига с неожиданной, в общем-то, развязкой - убийством! А главное - игра, виртуозная, завораживающая, неумолимо затягивающая в гибельный водоворот. Лила!

«Жизнь - это Игра, в которой каждый из нас исполняет свою роль. Эту игру жизни в Индии называют Лилой, а играет в нее наше Высшее «Я», создающее весь

мир имен и форм. Лила, универсальная игра космической энергии, божественная игра, присущая природе Высшего «Я», проявляющаяся в мириадах мыслей, чувств и событий» - так трактуют это понятие источники.

В эту игру вовлечены герои спектакля «Убить мужчину». Она и Он. Женщина и Мужчина. В такой последовательности. Ведь именно Она начинает игру. Игровой стихией пронизан весь спектакль. Уже с зачина, до собственно действия, когда, расположившись на широкой кровати – «ложе любви», Она слушает саму себя, записанную на видеопленку. Когда устанавливает видеокамеру и превращает квартиру в съемочную площадку, тщательно помечая мелком ее границы. Когда ведет долгую беседу с мнимой собеседницей по отключенному телефону. И, наконец, когда разыгрывает с партнером несколько сцен из его пьесы «до полной гибели всерьез». А Он? Театрально эффектно, почти эстрадно его появление «в кадре» - в танце, в фехтовальной маске и с букетом алых цветов. Потом - перевоплощение то в

смешного туркмена с «дегенеративной» ногой, то в рыжего клоуна. Также переменчив темпоритм спектакля - он то стремителен, то замедлен, страсти то накаляются до предела, то будто бы сходят на нет. Эта сложная кардиограмма, эти синкопы держат зрителя в постоянном напряжении, в тревожном ожидании чего-то и, тем не менее, трагическая развязка вызывает потрясение, шок!

В основе постановки – пьеса Эдварда Радзинского, у которой два названия на выбор – «Убьем мужчину» или «Я стою у ресторана: замуж поздно - сдохнуть рано».

Режиссер-постановщик Гоги Маргвелашвили значительно сократил пьесу, все-таки излишне многословную для современного зрителя. Но этим не ограничились его «вольности» в отношении оригинала. Маргвелашвили внес принципиальные изменения в трактовку образов. Если в пьесе Э.Радзинского (ее жанр определен как «монолог женщины»)- герой функционален, однозначен, то в постановке на сцене театра Грибоедова это гораздо более сложная фигура. Тем интереснее наблюдать за развитием отношений персонажей, их конфликтом – ведь режиссерское решение превращает монолог женщины в ожесточенный диалог людей, так и не сумевших стать счастливыми, разрушивших свою любовь.

Очередное появление Саши в доме давно брошенной им женщины по имени Нина – на самом деле последняя попытка вернуться к ней, остаться с ней. Так у Г. Маргвелашвили. В пьесе этого нет - у Э. Радзинского Саша появляется только для того, чтобы забрать свои вещи и уйти навсегда. Герой спектакля в итоге приходит к такому же решению, однако лишь после окончательного осознания невозможности быть вместе. Но пришел-то он все-таки с надеждой. Она звучит в словах Саши, обращенных в

Нине: «Заяц, я пришел!..» Но одержимая маниакальной идеей мщения за перенесенные обиды, она будто бы не услышала подтекста сказанных слов. Поздно! Решение мужчины прийти и остаться после всего того ада, который они вдвоем прошли, опоздало. Да и ее решение просто забыть, освободиться от него опоздало тоже! Но она все-таки пытается осуществить его, осуществить в такой страшной форме – совершает убийство. Таким образом, неоднозначен не только экс-любимый Саша, как называет его Нина, - неоднозначны их отношения, в которых нет правого и виноватого. Виноваты - оба. Жертвы - оба.

Ее полусумасшедшие фантазии, неуравновешенная психика, постоянное существование на грани нервного срыва исключают всякую возможность нормального диалога и, как следствие, прочного союза. И это отчетливо звучит в спектакле. Впрочем, его авторы не являются адвокатами ни Саши, ни Нины. Их взаимные обвинения и оскорбления, жесткий стиль выяснения отношений перед трагической развязкой так и не дают окончательного ответа на вопрос, кто же из двоих виноват в большей степени. Но это и не суть важно – главное, герои роковым образом связаны друг с другом, и этот узел может развязать только смерть. Любовь – кровь. «Любовь – это ненависть, дружок», - почти спокойно объясняет Саше Нина, вовлекая партнера в свою смертельную игру.

«Убить мужчину» – безукоризненно выстроенный спектакль с четко выписанными, тщательно разработанными ролями, с потрясающим партнерством актеров, виртуозно ведущих свои партии.

Высокопрофессионально ведет свою партию Ирина Мегвинетухцеси. Ее Нина – на грани нервного срыва. Эта полубезумная женщина с несостоявшейся как творческой (она - актриса!), так и личной судьбой, кажется то страшной, то смешной, то жалкой. Ее короткие, сухие смешки, какая-то истерическая взвинченность, иногда напряженный, больной взгляд, устремленный куда-то вглубь себя, странно-нелепые пробежки по сцене выдают смятение души. Эти перепады, переходы героини из одного состояния в другое заставляют зрителя напряженно следить за ее действиями, сострадать, недоумевать или негодовать.

Партию Саши блестяще разыгрывает Валерий Харютченко. Сначала он весел, игрив, благодушен, с твердыми намерениями восстановить отношения с все еще любимой, вероятно, женщиной. Он по-хозяйски оглядывает комнату Нины, даже что-то меняет в обстановке, подготавливая пространство для своей игры. Однако очень скоро его эйфория проходит. Нет, иллюзий быть не может! Он словно сникает, от его игривости не остается и следа – только последнее, острое осознание своего одиночества. Саша, успешный актер, запутался

в своих проблемах с близкими, устал от постоянных претензий с их стороны, от потребительского отношения к себе – в нем происходит переоценка ценностей, и он начинает понимать, что именно Нина – главный человек в его жизни. Трагичнее всего то, что она даже не видит этих его перемен, не понимает серьезности его намерений остаться. Не хочет, не может понять. Слишком много было боли, разочарований, предательства. В душе – пепел. В висках стучит только вышешенное, болезненное желание убить этого мужчину!

В пьесе Радзинского она отравляет его грибами – не слишком-то романтическое убийство. Какое-то бытовое преступление. В спектакле же Г.Маргвелашвили она стреляет в него из пистолета – вполне в романтическом духе. И это действительно становится достойным завершением ее Лилы. Облачившись в черное платье, Нина скрепляет союз со своим Сашей - с помощью наручников и как-то странно улыбается. Она поставила последнюю трагическую точку в своих отношениях с любимым. Гоги Маргвелашвили использует в спектакле интерес-

ный прием – на сцене присутствует камера и сценическое действие проецируется на экран. С одной стороны, камера приближает к нам героев, предлагает крупные планы Нины и Саши, с другой – способствует как бы сценическому остранению, отчуждению. Этот двойной эффект усиливает впечатление от происходящего на сцене. Впрочем, здесь присутствует еще одна пара – на старинных фотографиях, запечатленных на заднике сцены и ширмах (сценография Мириана Швелидзе). Все это еще раз заставляет осознать, что история двоих носит вневременной, перманентный характер, она вечна и бесконечна, пока на свете будут существовать Мужчина и Женщина.

После спектакля закономерные вопросы режиссеру Гоги Маргвелашвили:

- Чем вас привлекла пьеса Эдварда Радзинского «Убить мужчину»?

- С этой пьесой я знаком давно, имел на нее виды и думал, как ее поставить. Пока не нашел фокус, ход, благодаря которому можно было бы осуществить задуманное. Главная тема пьесы – вечная: конфликт между мужчиной и женщиной. Почему конфликт, как правило, существует в отношениях между ними? Почему гармоничные, красивые, романтические отношения в начале их совместной жизни рано или поздно приводят к драматическому, а иногда и трагическому финалу? Именно эта вечная тема и была для меня самой интересной в пьесе. Думаю, в нашем спектакле очень хорошие актерские работы. Мы отредактировали пьесу, кое-что в ней изменили, не меняя основной линии, сути.

- Прежде всего вы изменили какие-то акценты.

- Да, поскольку пьеса мне интересна не только тем, что произошло с нашей героиней, что с ней сделали, но и тем, что оба, и он, и она, сделали друг с другом, что они творят по отношению друг к другу, как они стараются выйти из замкнутого круга, стремясь нормально жить и общаться, как они мучаются тем, что не могут друг без друга. Каждый из них считает, что сделал все для того, чтобы их отношения были гармоничными. Но в то же время он или она сделали все, чтобы этой гармонии не было. И у каждого из них своя правда, своя аргументация, свой обвинительный приговор партнеру, своя прокурорская речь. Несмотря на то, что отношения героев стали невыносимыми, что оба понимают: так больше продолжаться не может, их тянет друг к другу, они не могут жить друг без друга. Мы выстроили спектакль таким образом, что он, наконец, принял решение остаться с ней, понял: только она имеет в этой жизни значимость, только она тот человек, с кем он хочет быть, несмотря на весь шлейф их биографий. И вот в тот же вечер она встречает его со своим принятым решением – наконец, избавиться от «экс-любимого» Саши. Просто эти решения противоположны друг другу. К тому же все поздно! Решение мужчины прийти и остаться после всего того ада, который они прошли вместе, опоздало. Да и ее решение освободиться от него опоздало тоже! Поэтому она осуществляет свое решение в такой страшной форме – убивает его. Ей от него освободиться можно только таким образом. Просто выгнать его, запретить ему приходить, отказаться встречаться с ним сейчас уже не получится. Единственный выход – сделать то, что она в итоге и делает. Но и это иллюзия освобождения. Они просто не могут разойтись. От прошлого не уйдешь.

Инна БЕЗИРГАНОВА

Ара Бабаджанян и Майя Кипиани

ИХ СОСВАТАЛ «НОКТЮРН»

«Кружит голову мимоза, я приду опять/ Любовь бросить невозможно - можно потерять,» - пел когда-то герой популярного советского фильма «Невеста с севера». Ара Бабаджаняну, исполнителю роли, сыну легендарного советского композитора Арно Бабаджаняна было тогда 25. Жизнь распорядилась иначе: у Ара Арноевича «невеста с юга» - не так давно он сочетался браком с продюсером дуэта «Джорджия» Майей Кипиани и теперь чаще бывает в Грузии. Ара Бабаджанян возглавляет международный фонд памяти имени Арно Бабаджаняна. По его инициативе в Ереване учрежден конкурс молодых исполнителей «Арно». Мы беседуем в тбилисской квартире Майи Кипиани.

- Ара, вы с супругой приехали погостить или Тбилиси попадает в ваши творческие планы?

- Совмещаем. Мы уже встречались с послом Армении в Грузии. Подумываем провести вечер памяти Арно Бабаджаняна. Следующий год юбилейный - Арно Арутюновичу исполнилось бы 90 лет. Наш фонд готовит обширную программу - в России (Москве), Армении, Америке, Узбекистане, Казахстане. Хочется включить в этот ряд и Грузию: Арно Арутюновича связывала теплая дружба с грузинскими композиторами. Он часто посещал

Тбилиси, выступал здесь... Юбилейные мероприятия - традиция нашего фонда, основанного в 1990 году. В самый первый раз мы отмечали 70-летие А.Бабаджаняна. В Москве, Ереване, США, где у нас филиалы, прошли концерты эстрадной, симфонической и камерной музыки. На торжествах всегда много гостей.

- Вы активно боретесь с плохим вкусом на эстраде. Пока бездарности пробиваются сами, конкурс «Арно» помогает истинным талантам.

- В прошлом году сбылась наша давняя мечта - мы основали и провели международный конкурс-фестиваль «Арно». В нем могут участвовать как профессиональные исполнители, так и новички. Возраст вокалистов - до 30 лет. Довольно строгий кастинг. Программа состоит из двух туров: исполнение произведений Бабаджаняна, мировой хит. Первое место занял студент Ереванской консерватории Нарек Макарян, второе - певец из Грузии Влад Арамов, очень убедительно спел, публике понравился сразу. Третье место у китайской исполнительницы У Мей. Собралось весьма авторитетное жюри: заслуженная артистка Армении Гаяне Ованнисян, джазовый пианист Левон Малхасян, дирижер симфонического оркестра Армении Эдуард Топчян, певица Раиса Мкртчян. Сопредседателем жюри была Нани Бреговдзе, она гостила в Ереване три дня и спела в гала-концерте. Я надеюсь, этот фестиваль станет визитной карточкой Армении. Сейчас нам предстоят новые хлопоты - подготовка к конкурсу-2010.

- Ара, а вам теперь случается петь?

У портрета отца

- Иногда. Я на эстраду пришел в 1973 году. Работал в «Армконцерте», группа «Ереван» называлась. Параллельно учился в ГИТИСе (сначала на актерском отделении, потом - на режиссерском, в общей сложности - 10 лет), снимался в кино. Этот период длился где-то до 1985 года. Потом мои интересы изменились.

- «Невеста с севера», «Приехали на конкурс повара» - классика советской комедии. Расскажите, как вы пришли в кино?

- Прежде, чем я определился куда поступать, меня пригласили на пробы в картину «Переступи порог», снимавшейся на киностудии имени Горького. В итоге, я сыграл десятиклассника Юру Кандахчяна, который заканчивает школу и стоит на пороге большой жизни. Что касается «Невесты», никто не ожидал, что фильм обретет такую популярность. Кстати, я выделяю его из всех, в которых снимался. Фильмы того времени нарочито демонстративно воспевали дружбу между народами. А в «Невесте» эта тема затрагивается косвенно - простые деревенские жители из Армении приехали в российское село. Истинная дружба начинается с взаимоотношений простых людей. Фильм очень чистый, добрый, наивный, и живет столько лет! Его и сейчас часто показывают по российскому и армянскому телевидению. А картины, которые создавались с более глобальными задачами, лежат давно на полке. В нашем фильме замечательный актерский состав - Инна Макарова, Наталья Беспалова, Станислав Чекап, Юрий Медведев, Армен Джигарханян, Ерванд Манарян. Артистка, игравшая по сценарию мою маму, - Верджалуйс Мириджанян, как выяснилось, ученица моей бабушки. Я брал бабушку на съемки, проходившие в Москве и Подмоскovie, и они вдоволь беседовали по душам. Три замечательные песни «Любовь бросить невозможно», «Год любви» и «Пушинка» - тоже залог успеха. Очень точно и с юмором схвачены некоторые детали национальных характеров.

- У вас такая же крепкая родня?

- О да! Я помню, что к нам в дом композиторов на улице Горького приезжали по несколько родственников и жили в нашей семье. Иногда их некуда было укладывать и папин племянник спал на рояле (смеется). Дедушка, приехав в первый раз в Москву, как принято на Кавказе, решил устроить шашлык, пригласить соседей,

познакомиться поближе. И развел на балконе небольшой костер. Наши окна выходят как раз на здание телеграфа. Буквально через 10 минут в квартиру стучались пожарные, милиция. Деда оштрафовали. Этот реальный сюжет потом использовал в своем фильме «Когда наступает сентябрь» Эдмон Кеосаян. В аналогичной ситуации там Армен Джигарханян. Мой дед внешне удивительно походил на Хрущева - одно лицо! Голубые глаза, курносый, - нетипичный армянин. Так вот недавно я встретался в Москве с Гиви Шугаровым, наши деды дружили. Он поведал мне любопытный случай: однажды дед приехал в гости к Шугарову-старшему, а на улице столпотворение. Люди решили, что к Шугарову генсек пожаловал!

- Для всех Арно Бабаджанян - великий композитор и музыкант, для вас - самый родной человек. Каким он был дома, каким запомнился?

- Добрым, мудрым. Отец почти никогда не завтракал, направлялся сначала к роялю. Такая зарядка, если

В кругу семьи

хотите. Играл Рахманинова, свои произведения. Ему не требовалось заниматься по несколько часов в день, как это делают иные музыканты. Он обладал пианизмом от Бога. Арно Арутюнович хотел тишины, чтобы что-то услышать. Это сейчас мне понятно, тогда, конечно, нет. Припоминаю историю с моим музыкальным образованием. В детстве меня, как полагаются (а сыну композитора - тем паче!), отдали в музыкальную школу. Московскую центральную. В класс виолончели. Разумеется, я ленился. И папе в один прекрасный день это надоело. Он пришел без предупреждения к директору - забрать мои документы. Тот опешил: «но мальчик способный!» На что папа заявил: «Все хватит! Я устал: там жена играет на рояле, в кухне сын - на виолончели. Никакого покоя!». С тех пор я играл на виолончели лишь по особым случаям. Когда, к примеру, Москву посетил американский писатель Вильям Сароян и в нашем доме в его честь устроили прием. Собрались папины друзья, накрыли стол, меня попросили на выход - исполнить пьесу «для дяди Вильяма». Я старался. Благодушно настроенный Сароян подарил мне книжку с надписью «Великому сыну великого отца!» (смеется). В рабочем кабинете Арно Арутюновича все сохранилось, как прежде. Рояль,

ноты, письменный стол, картины, нарисованные отцом, и написанные с него портреты разных художников - Мартирос Сарьян, Минас... Отец имел достаточно выразительную внешность, это позволяло легко передать его характер. В Ереване есть интересный памятник Арно Бабаджаняну, скульптор его - Давид Бежанян. Споры, правда, продолжаются. Кому-то работа нравится, кому-то - нет.

- И мама занималась музыкой профессионально?

- Она была первой дипломированной органисткой в Армении, аккомпанировала на избрании Католикоса Вазгена I народной артистке СССР оперной певице Гоар Гаспарян. Родилась в Баку, там же окончила музыкальную школу. После войны, в 1945 переехала в Москву, училась в консерватории. В Москве они и познакомились с отцом. Всю свою жизнь мама посвятила семье, мужу, хотя продолжала заниматься преподавательской деятельностью, работала с исполнителями. Кстати, находясь как-то на отдыхе в Болгарии, родители заметили в тамошнем Доме культуры Бедроса Киркорова. Посоветовали приехать в Россию и реализовать свой потенциал. Киркоров-старший поступил в ГИТИС.

- Песни Арно Бабаджаняна сложны для исполнения. В свое время эту высокую планку держали Иосиф Кобзон, Муслим Магомаев...

- Фестиваль «Арно» старается ее восстановить. А еще мне очень нравится, как поют эти песни дуэт «Джорджия», армянская исполнительница Эмми. Кобзон дружил с папой, эта дружба распространилась и на меня. Иосиф Давыдович по старой памяти называет меня мушкетером: я, маленький, бегал вокруг гостя, размахивая шпагой - палкой. Кобзон только начинал карьеру. Сотрудничал с разными композиторами. Часто, закончив выступление с одним, дожидался другого на стуле у лифтерши. (Поистине дом композиторов населяли выдающиеся люди - Блантер, Ростропович, Хачатурян, Шостакович, Калмановский... Словом, энциклопедия советской музыки в полном сборе!). Для Кобзона дружба - не пустой звук. В судьбе Иосифа Давыдовича был период (несколько лет назад), когда он находился на грани жизни и смерти, лежал в реанимации. Я и не ожидал, что он сдержит данное ранее слово и прилетит на концерт в Ереване. Как только он сошел с трапа, сказал мне: «Возьмем цветы и поедем на могилу папы». Муслим Магомаев тоже считался в нашем доме близким, родным человеком. После смерти отца он по личной инициативе организовал концерт «Вспоминая Арно Бабаджаняна» и весь вечер пел его песни. Из-за карабахских событий Магомаев какое-то время уклонялся от приглашений и мероприятий нашего фонда, наедине мотивируя свой отказ: «Ты знаешь мое отношение к отцу, но меня не поймут на родине». К счастью, мы перешагнули через этот холодок. Снимался фильм «Чертовое колесо Арно Бабаджаняна», режиссер хотел непременно включить в картину интервью с Магомаевым. Не особенно надеясь на удачу, я все же решился на звонок. Муслим Магометович неожиданно согласился: «Я теперь гражданин России и пока в Азербайджане будет продолжаться «поладизация» искусства, я туда не вернусь» (имелся в виду конфликт с Поладом Бюль-Бюль-Оглы).

- Как вы познакомились с Майей Кипиани, продюсером дуэта «Джорджия», и когда поняли, что она и есть ваша избранница?

- Хотите верить, хотите нет, нас сосватал «Ноктюрн».

Майя выбрала эту песню отца для выступления дуэта в Юрмале. В тот момент я находился в отъезде и ничего не слышал о победителях «Новой волны». Позже, когда мы проводили концерт в Ереване, приуроченный к 25-летию со дня смерти Бабаджаняна (в 2008 году), моя приятельница Надя Саркисян посоветовала пригласить молодой талантливый грузинский дуэт. Сказано - сделано. 4 ноября я встречал Майю и ее ребят. Собственно с того дня все и началось. Мы показали гостям из Тбилиси Эчмиадзин, поехали перед их отъездом на Севан, где устроили прощальный ужин. Не хотелось отпускать Майю. Я почувствовал в ней родного человека. Майя удивительно похожа на мою маму Терезу, наше знакомство состоялось под знаком творчества отца. Плюс личные качества Майи - человеческие, душевные,

С дуэтом «Джорджия»

внешние. Судьбоносное стечение обстоятельств, что-то совпало. И начался, как в моей песне, год любви. Я пускался на разные авантюры, чтобы увидеть Майю. Я жил в Москве, она - в Тбилиси. Когда отменили прямые авиарейсы, мы встречались в Украине, в Белоруссии, новый год провели в Турции. Прошлой осенью решили пожениться. Расписались во Мцхета, там же отменили свадьбу в ресторане. Среди гостей были в основном родственники и друзья Майи, приехали и мои, но не все. И для меня, и для Майи это второй брак. У обоих взрослые дети. Вот так нежданно-негаданно мы нашли свою любовь, нашли друг друга...

Медея АМИРХАНОВА

ПАЛОМНИЧЕСТВО К СВЯТОЙ НИНО

Святую равноапостольную Нино называют просветительницей Грузии.

Родом она была из Каппадокии. Считается, что сама Богородица направила ее в Грузию, прибыв в которую Нино сделала крест из виноградной лозы и обвила своими волосами. С тех пор лоза стала символом грузинской церкви.

Крест святой Нино – с чуть опущенными вниз поперечными перекладинами – встречается в Грузии так же часто, как и обычный прямой. Сделанный из виноградной лозы крест можно увидеть висящим на стене во многих домах, храмах и монастырях.

В Тбилиси, в Сионском кафедральном соборе, хранится крест святой Нино из виноградной лозы.

После ее кончины царь Грузии Мириан III «вопреки ее завещанию, хотел перенести святые мощи во Мцхета и там предать погребению, но никакие усилия человеческие не могли сдвинуть с места ее тела. Видя это, царь оставил свое намерение и тело было предано земле в месте, завещанном ею, именно в куше ею самой устроенной». Царь Мириан соорудил около места погребения св. Нино соборный храм, а над самым местом погребения устроил храмовый придел.

Усыпальница святой Нино находится в селе Бодбе Сигнахского района. Это Кахетия. Теперь там женский монастырь, где ежедневно служится молебен за мир во всем мире и процветание Грузии. Там же имеется святой источник.

Я собиралась свозить туда мою институтскую подружку Нину из Мурманска, с которой мы вместе учились в Ленинграде, и с которой до сих пор дружим. Наши вылазки начались с первого курса, когда, посмотрев фильм Тарковского «Андрей Рублев» мы сразу же двинули во Владимир. Нам было просто необходимо увидеть эти божественные фрески, с которых начиналась история русской церковной живописи. Во Владимирском Успенском Соборе, куда мы приехали ранним зимним утром, не было посетителей, и мы, помнится, выскребли всю студенческую стипендию, чтобы заплатить за групповую экскурсию, только для нас. И в утреннем сумраке мы с благоговением рассматривали удлинённые суровые лики, написанные Андреем Рублевым и Даниилом Черным, и слушали гулкий голос гида в пустом храме.

Все годы нашего студенчества были полны интересных поездок, а пятый курс мы завершили паломничеством в Михайловское, где пешком, с картой в руках

обошли все пушкинские места. Так что опыт в странствиях у нас был.

Тем более, Нина давно хотела поклониться могиле своей небесной покровительницы.

Надо сказать, что встретила я ее в простудном состоянии с высокой температурой. И не знала, смогу ли реализовать насыщенную программу культурного пребывания Нины в Грузии. Включая и поездку в монастырь.

Денек отлежалась, но больше нельзя было – все дни уже были расписаны.

И вот утро, когда мы должны были двинуться в путь. Меряю температуру – 38! И это утром! Что же будет дальше?

Нина испуганно смотрит: остаемся или едем?

Едем, раз решили!

Выезжаем. Возле метро Исани выясняю – как добраться до Бодбе? Кассирша говорит, что нужно ехать в Навтлуги, оттуда идут маршрутки. Тут же вырастает фигура какого-то мужика. Окинув нас взглядом, спрашивает: «Так вам в Бодбе нужно?» Он тут же набирает номер на мобильном и говорит в него: «Тариел, тут две калбатони едут в Бодбе, направляю их к тебе, дождись». Едем в Навтлуги, находим маршрутку Тариела, у которого я тут же стала выяснять: Бодбе находится на высокой горе, а внизу – Алазанская долина и город Сигнахи, которым в последнее время все восторгаются после реставрации. Как туда попасть? Тариел сказал: «Очень просто. Вы можете осмотреть монастырь, потом проехать в Сигнахи».

И вот мы едем. Деревни, сады, дома, лесные кущи, поля... Так часа два, а может, и больше. Вот мы как-то завернули и вдруг очутились перед монастырской оградой.

С нами, кроме жителей окрестных деревень, ехала одна пара. Он – высокий, худой, рыжий – иностранец. «Рыжий ирландец», – сказала бы я. И молодая женщина в брюках, грузинка, скорее всего, переводчица. Я подумала, что их связывают служебные отношения, но во время поездки она все ниже и ниже склонялась к его плечу, а рыжий ирландец все нежнее и нежнее прижимал ее голову к себе.

Да, это уже была влюбленная пара.

Тариел лихо сделал круг перед монастырем и высадил нас. Парочка тут же устремилась вперед. Я заметила, что девица быстренько обернула бедра каким-то платком, а на голову накинула маленький треугольник ткани. Так что она оказалась экипирована вполне пристойно для посещения монастыря.

Мы вступили на территорию небольшого ухоженного монастырского двора. Был яркий солнечный день, аккуратные газоны, несмотря на март, нежно зеленели, могучие деревья, раскинув ветви, смотрелись патриархами. Уютные аллеи, дорожки, выложенные плиткой и булыжником, древняя монастырская ограда XVII века из красного кирпича окружала храм с трех сторон. Молчаливые монашки в черных одеяниях сосредоточенно поливали из длинных шлангов газоны и кусты.

Меня разочаровала архитектура колокольни. Совершенно не грузинский стиль, или хотя бы ранневизантийский (как, скажем, Джвари). В ней было что-то готическое. Готика в чистом виде радует своей гармонией, а тут была псевдоготика. Хотя рядом стоящий кафедральный собор (построенный в 850 году) был вполне грузинского стиля. Какой это стиль? Строгость, изящество, вкус – вот грузинский стиль. В том числе и в архитектуре. Храм

представлял собой трехнефную базилику с продолговатым усеченным верхом, типичным для грузинских храмов.

И вид с этой горы был чудесный: великолепные дали Большого Кавказа, целая гряда снежных вершин, внизу – как вдох – необъятная Алазанская долина, где в голубой дымке лежал город Сигнахи. И – безграничный простор, где взгляду ничто не мешает созерцать и любоваться.

Мы вошли в храм. Интерьер украшен росписями IX века и фрагментами картин XII-XVII веков. Тишина. В углу немолодая служительница, продающая церковную утварь и литературу, сосредоточенно натирала медные шандалы и канделябры, изредка вскидывая спокойные, но с горестным взглядом глаза.

Я стала перебирать какие-то камешки, выставленные на витрине.

«Это как бы святыня?» – спросила я, рассматривая маленький осколок камня. Монахиня сказала без улыбки: «Это не «как бы», это и есть святыня. Это осколок от надгробного камня святой Нино».

В это время в храме громко послышался чей-то высокий голос. Я, было, подумала, что началась служба, но по удивленно вскинутым бровям монахини поняла, что это другое. Монотонное бормотание постепенно превращалось во вдохновенное пение. Взгляд монашенки стал недовольным.

«Он с вами?» – спросила она меня.

Я обернулась и увидела, что в центре храма, крепко сцепив руки, стоит рыжий иностранец, и, обратясь к алтарю, поет что-то воодушевленным голосом.

Я покачала головой.

«Вообще, кто он такой?» – тихим недовольным голосом спросила монахиня, не переставая тереть.

«Мне кажется, англичанин», – сказала я, прислушиваясь к песенному славословию этого неожиданного иностранца. Он пел уверенно и с большим увлечением, быстро глотая слова.

«Странное поведение, – сказала монашенка, не прерывая монотонных движений тканью по тусклым канделябрам, – приходит в чужой дом и ведет себя как хочет».

«Но он же от души поет», – сказала я.

«Я вообще не знаю, какой он веры», – пробормотала она.

«Если англичанин, то, скорее всего – англиканской», – обронила я, наблюдая за высокой фигурой рыжего. Волосы у него загорелись огнем от лучей света, косо падающих сверху.

«Мог хотя бы разрешения попросить, все же в чужом храме находишься», – упорствовала она, бросая недовольные взгляды в его сторону.

А я подумала, что в храме не может быть чужих; вернее, храм – для всех. Тем более, что человек искренне выражает свое восхищение и поет во славу святой. Этому только радоваться надо.

Но ничего не сказала.

Между тем, пение так же внезапно прекратилось, как и началось, и тут я хватилась Нины.

Моя подруга уже стояла в небольшом приделе храма, где находилась усыпальница. Это было место, завещанное самой святой Нино, но уже далеко не «куща ею самой устроенная».

Роскошная мраморная гробница с начертанными письменами; свечи и лампы вокруг.

Нина стояла над могилой своей святой с потрясенным видом. Покрытая платочком, с взволнованным лицом, она устремила глаза полные слез на икону и молча молилась.

Я тихонько вышла, чтобы не мешать ей, и стала осматривать иконы. Тут передо мной возник Тариел. «Ну что, посмотрели? – спросил он тихо, – можем ехать в Сигнахи?»

Я нерешительно постояла – пойти позвать что ли Нину?

Но потом сказала: «Тариел, моя подруга приехала издалека специально в этот храм...»

«А хотите, я подожду вас?» – с готовностью спросил он.

«Не стоит, – сказала я, – мы еще должны пройти к святому источнику». «Ну, ладно, – легко согласился он. – Я возвращаюсь из Сигнахи в четыре. Если к этому времени вы все осмотрите, позвоните, я заеду за вами».

Я поблагодарила его и подумала – как хорошо, что за все время пребывания моей подруги здесь мы встречаем доброжелательность и приветливость.

Я вспомнила, как несколько дней назад молодень-

Нина вышла с заплаканными глазами и просветленным лицом.

А что источник? «Вон там. Он появился благодаря молитвам святой Нино», – сказала нам немолодая монахиня, указав брызгающим шлангом, куда нам идти. И добавила, что источник этот целебный; в любое время можно совершить омовение и исцелиться от недугов.

Я по-прежнему чувствовала свою высокую температуру и слабость. Хватит ли сил далеко идти? Утешало лишь то, что дорога шла вниз. Монастырь стоял на горе, а источник был внизу, у подножья. И на мне была удобная обувь – альпийские ботинки на толстой подошве. Глядишь, и дойду.

Мы начали спускаться – сначала по каменным ступеням, потом по дорожке, которая превратилась в тропинку, а вскоре и вовсе исчезла.

Лес. Ни души вокруг. А мы идем, идем и идем.

Спотыкаясь о кочки, я буквально плелась за Ниной. Она оглядывалась сочувственно, а потом, когда мы совсем выбились из сил, и уже думали, что заблудились, присели на какой-то пригорок.

«Может, вернемся?» – спросила тогда Нина. «Да ты что!..» – гордо сказала я и, превозмогая слабость, поднялась.

И мы пошли дальше, уверенные, что окончательно заплутали. Долго шли молча. А потом, продираясь сквозь кусты, Нина сказала в сердцах: «Ну почему этот источник так далеко?»

«А почему святой источник должен быть близко? – возразила я прерывающимся от ходьбы голосом. – Нет уж, ты потрудишься, дойди до него, заработай эту святую воду... Ведь люди идут в далекое паломничество и терпят голод, холод, жажду. Оттого и ценна эта вода, что достается с трудом...»

Я проговорила эту тираду медленно, поминутно останавливаясь и хватаясь за колючие кусты и голые ветки. Мне не хватало воздуха, и я боялась упасть от слабости.

Подруга поглядела на меня с состраданием и сказала вдруг вдохновенно: «Спасибо тебе... за подвиг дружбы! Такие лишения терпишь ради друга...»

В ответ я только улыбнулась – ведь я шла не только из-за нее, я шла и из-за себя. Вернее, и для себя – чтобы преодолеть свою слабость

и дойти.

Кусты и деревья внезапно расступились и показали аккуратные строения – галерея с оборудованной купелью, небольшая церквушка, выстроенная, как выяснилось, в честь родителей святой Нино. В галерее никого не было, только разложенные церковные сувениры и какие-то полотняные рубахи.

Но тут из хозяйственных построек выпорхнула худенькая девушка с улыбающимся личиком. Мы поздоровались. Она почти не говорила по-русски, и я перешла на грузинский. Девушка (ее тоже звали Нино) начала объяснять – за этой занавеской оборудована купель, где мы можем окунуться и получить исцеление. А вот рубаха, в которую следует облачиться при погружении. Ее можно потом забрать с собой и надевать при недомогании.

Нина напряженно вслушивалась в наш разговор, пытаюсь понять, о чем идет речь.

«Ну, как?» – спросила девушка Нино.

Бодбе

кий таксист, привезший нас на вершину Джвари, откуда мы любовались слиянием Куры и Арагви, показал на маленькую точку посередине Куры. Он сказал, что это его лодка, и если мы желаем, можем прокатиться на ней. Предложил запросто, как знакомым, хотя мы виделись в первый раз.

Мне было приятно, что мой народ демонстрирует свои лучшие качества.

Тем временем иностранец и его спутница ускакали за Тариелом, и в монастырском дворе опять воцарилась тишина, прерываемая тонким шипением водяной струи из шланга, который с серьезным выражением лица держала над газонами молодая монашенка – беленькая, в черном одеянии. Их, монашек, было немало, но всякий раз они как-то незаметно ускользали из поля зрения, и на моих фотографиях, которые я делала с разных ракурсов, их почти не видно.

Я посидела на лавочке, слушая тишину и звук водяной струи, в ожидании подруги.

Я сказала, что у меня температура, и вряд ли я решусь окунуться в холодную воду.

«А вот моя подруга, – продолжила я (и обернулась к Нине), – специально приехала сюда из далекой России».

Девушка перевела взгляд на Нину и лучезарно улыбнулась. «Так вот она, – сказала я, – непременно окунется!»

«Что? Окунуться?..» – испуганно спросила Нина, поняв, наконец, о чем мы говорим.

«Конечно! – решительно сказала я. – Сколько шли, зря что ли? Давай пальто!»

Девушка выдала оторопелой Нине большую белую рубашку простого покроя, показала, где спускаться по ступенькам в купель, где сложить одежду, как держаться за поручень... Как инструктаж парашютисту. Задержала за ней занавеску и побежала за полотенцем.

Я держала в охапке пальто и сумку и слышала, как за полотняной занавеской Нина осторожно вступает в купель. Послышался вдох и быстрое твоекратное погружение, сопровождаемое возгласом – ой, ой! – от холодной, прямо скажем, ледяной воды.

А на дворе был март, прошу заметить...

Дробно стуча каблучками, прибежала девушка, держа в вытянутых руках вафельное полотенце. «Ну, как?» – испуганно спросила она. «Уже погрузилась», – важно ответила я.

Она аж выдохнула: «Ма-ла-дец!» – по-русски, засмеялась и подала вовнутрь большое белое полотенце. За портьерой Нина что-то возбужденно восклицала, а мы, переглядываясь, улыбались этой мелодии радости.

Девушка, улыбаясь кроткой улыбкой, рассказала о себе: она на послушании – пришла добровольно поработать. Сказала, что при монастыре строится новая гостиница, поскольку много паломников, особенно в пасхальные праздники. Но сейчас есть свободные кельи, и если мы хотим, она поговорит с настоятельницей, и мы сможем переночевать в монастыре.

Я поблагодарила и сказала, что с удовольствием бы остались, но мы не предупредили домашних.

Занавеска отдернулась и в проеме каменной стены показалась Нина, ожесточенно вытирающая лохматую мокрую голову.

«Здорово!..» – восхищенно промычала она, полная какого-то чувства свежести и силы. Я с удовольствием смотрела на ее сияющее лицо. Тушь у нее на глазах раз-

мазалась. «Сильно?» – спросила она. «Ничего, ничего», – сказала я, заражаясь ее чувством, и подала зеркало.

«А здесь можете набрать воды», – сказала девушка, показав нам источник, обложенный крупными булыжными камнями. Мы подставили под маленькую текущую струйку медную кружку, стоящую рядом, отпили, наполнили бутылки. Я умылась.

Потом поднялись в маленькую церквушку, поставили свечи. Попрощались с милой девушкой, и пошли обратно, в гору.

Да, в гору!

Но уже с чувством глубокого удовлетворения и с новыми силами. И, на удивление, подъем оказался намного легче, чем спуск.

Ровно в 4 часа мы сидели на монастырской лавочке. Я набрала номер нашего водителя.

«Тариел», – сказала я и он моментально спросил: «Вы где?»

«У монастыря», – ответила я.

«Я сейчас заеду за вами», – сказал он, и действительно, через пять минут среди густой зелени показалась наша маршрутка.

Мы сели в машину. Там опять оказалась эта пара; они улыбнулись нам, как знакомым.

И мы поехали домой.

Шел седьмой час вечера, когда мы вышли у Навтлугского базара, и только тут вспомнили, что проголодались. Купили свежий лаваш, сыр, зелень...

Дома нас ждал вкусный ужин с нашим собственным вином прошлого года. И, уплетая все это, мы увлеченно рассказывали о нашем паломничестве. Жаль только, Сигнахи не успели осмотреть...

Вечером у меня была нормальная температура и прекрасное настроение.

По приезде в Мурманск Нина рассказала о своем паломничестве на могилу святой Нино в Грузии в мурманской православной газете и прислала ее мне. Ее впечатления почти не отличались от моих, разве только началом: «Когда я собралась в Грузию, многие спрашивали меня – не боюсь ли я ехать туда? Это надо же так натравить народы друг на друга!» – восклицала она и далее шел ее восхищенный рассказ о поездке в Грузию, которая «по особой воле Божией является уделом Пресвятой Богородицы».

В этом году мы снова ждем Нину в гости и, вероятно, поедем в Сигнахи.

Клара БАРАТАШВИЛИ

События 1917 года перевернули жизнь царской России. В Грузии в 1918 году была установлена демократическая республика. За три недолгих года ее существования в культуре Грузии произошли значительные перемены. На сцене оперного театра были осуществлены постановки первых грузинских опер «Сказание о Шота Руставели» Дмитрия Аракишвили и «Абесалом и Этери» Захария Палиашвили. Предприняты первые шаги по основанию театра имени Шота Руставели. И, наконец, осуществилась мечта грузинской интеллигенции – был открыт Тбилисский государственный университет.

Наступил 1921 год. В Грузию вторглась Красная Армия. Грузинское правительство и большая часть дворянских семей были вынуждены покинуть родину. Бежали в Константинополь, а оттуда в Европу, либо Америку.

Вхождение войск проходило в несколько этапов и по различным направлениям. На линии фронта между Коджори и монастырем Шавнабади грузинские юнкера и отряды добровольцев попытались остановить наступление 11-й Армии. Здесь героически погиб юнкер Шалва Эристави. Защищая своих однополчан, он грудью закрыл пулемет.

Шалве было всего 22 года.

Его отец – Николоз (Кола) Эристави был одним из передовых грузинских театральных деятелей, меценат, единомышленник и друг Ильи Чавчавадзе. Гостеприимной хозяйкой дома была супруга Колы – Анастасия (Тасо) Цицишвили, сестра Георгия Цицишвили – одного из основателей Грузинской национальной публичной библиотеки. Великий Илья любил гостить в доме Эристави и был крестным отцом младшего брата Шалвы Гигуши (он умер в возрасте десяти лет). По семейному преданию, на крестинах, длившихся десять дней, гуляла вся общественность Грузии.

В Тифлисе знали доброту и щедрость Колы Эристави. В начале творческого пути Важа Пшавела Эристави не раз находил возможность оказать поэту финансовую помощь.

Семье Эристави принадлежал дворец в Ахалгори, о котором в своих трудах упоминает общественный деятель и этнограф Грузии Эквтиме Такаишвили. На его территории находилась дворцовая церковь, купол которой был из каштанового дерева, а иконостас из виноградной лозы. При советской власти церковь была разрушена.

Своих детей – Тамару, Нину и Шалву - Кола Эристави воспитывал в духе любви к родине, на идеях Ильи Чавчавадзе. Юный Шалва входил в первую футбольную команду Тбилиси.

На момент описываемых событий Шалва Эристави проучился в юнкерской школе всего полтора года. Его педагогами были Иванэ Джавахишвили, Василий Барнов, Шалва Нуцубидзе.

После гибели юнкера потрясенные горем близкие отправились в Коджори на поиски тела погибшего. Вместе с ними была и невеста Шалвы 20-летняя Аннетта Васильева. Родным, несмотря на опасность, удалось вывезти прах юноши, и он не был похоронен в общей могиле.

На месте сегодняшнего Верийского парка в 20-е годы находилась церковь Святого Николая, к которой прилегало кладбище. Здесь покоился грузинский писатель, автор повести «Сурамская крепость» Даниил Чонкадзе. Слева от его могилы и был тайно предан земле Шалва Эристави. Родные не рискнули установить надгробие с его именем и датой гибели.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛЮБВИ

Листаю страницы фамильного альбома. Одухотворенные, другие лица прошлых поколений... Сегодня пожелтевшие, потускневшие снимки притягивают наше внимание, заставляют пристально вглядываться в лица людей, которых нет уже с нами. Жива только память о них. Старинная фотография в семейном альбоме – это та связь, которая не дает распасться временам.

В центре Тбилиси в районе Вере жили две женщины. Они обе остались бездетными. Обе приходили на могилу близкого их сердцу человека – погибшего в 1921 году юнкера Шалвы Эристави, похороненного на территории ныне Верийского парка. Одна из женщин, Тамара Эристави, была его сестрой, вторая, Аннетта Васильева – невестой. Они приводили с собой своих племянниц, которым волею судьбы не дано было встретиться. Они узнали друг о друге спустя много-много лет ...

Шалва Эристави

Аннетта Васильева

Дворец Эристави в Ахалгори

Сестра Шалвы Нина вышла замуж за ученого и общественного деятеля Абхазии Симона Ашхацава. В студенческие годы за политические взгляды он был арестован и заключен в Метехскую крепость. В тюрьме его пытали и полумертвого бросили умирать у стен Метехи. По стечению обстоятельств мимо проезжал Кола Эристави, который увидел покалеченного юношу и отвез в свое ахалгорское имение, где его выходили.

В семье Эристави Симон Ашхацава прожил год. 19-летняя Нино влюбилась в него, и по благословению родителей молодые люди поженились. У них родился сын, названный в память о горячо любимом брате Шалвой. Симон Ашхацава, языковед и археолог, основатель двух сухумских институтов, был расстрелян в 1938 году. Нина умерла от чахотки в 31 год.

Как рассказывает калбатони Тамара Ашхацава, внучка Нины и Симона, у них дома, несмотря на опасность и возможные преследования, всегда висели фотографии родных, в том числе и любимого Шалвы. Сестра Шалвы Тамара не вышла замуж и посвятила жизнь детям и внукам безвременной умершей сестры Нины. Из ее рассказов в семье Ашхацава знали подробности трагической смерти юнкера. Калбатони Тамара хорошо помнит, как они с бабушкой Тамарой ходили в Верийский

парк (бывший Кировский) на могилу Шалвы. Ориентиром служили кусты сирени и самшита – слева от могилы Даниила Чонкадзе.

Тамара Ашхацава удивляется, как ее покойная бабушка Тамара ни разу не обмолвилась словом об истории любви своего брата к красавице Аннетте Васильевой. Этому могло быть множество причин.

Племянница Аннетты Васильевой, Тина Джавахишвили, которую Аннетта водила на могилу своего жениха в Верийский парк, в 2003 году издала свои воспоминания. В третьей части книги рассказывается о жизни тети Аннетты. Несмотря на то, что ее судьба складывалась трагично, она была любящая, жизнерадостная, остроумная женщина.

Отец Аннетты, Георгий Васильев, был генералом императорской армии. Мать, Варвара Сидамон-Эристави, сестра художника Валериана Сидамон-Эристави.

Неисповедимы пути Господни. Аннетте было всего 20 лет, когда ее постигло первое испытание – гибель жениха. Тогда удача улыбнулась ей в страшном поиске – вместе с родственниками Шалвы удалось найти его среди погибших в Коджори, увезти тело и захоронить. Через всю жизнь она пронесла светлую память о своем возлюбленном.

В 1924 году Аннетта вышла замуж за национал-демократа, философа Вахтанга Заалишвили. Он подвергался гонениям со стороны советской власти. Аннетте пришлось обменять свои драгоценности на турецкий костюм, в котором муж бежал из Батуми в Турцию. Сама Аннетта выехать не смогла и осталась в Грузии.

В 1929 году она стала женой Котэ Гвахария. Несчастья продолжали преследовать Аннетту – умерла их двухлетняя дочь Лия. Теперь всю любовь и заботу

Аннетта и Котэ посвятили племянникам. Скончалась Аннетта в 90-летнем возрасте на руках своих племянниц. Ее последние слова были обращены к незабвенному Шалве.

Тамаре Ашхацава эта история о любви молодых людей стала известна несколько месяцев назад, когда ей в руки попала книга воспоминаний Тины Джавахишвили.

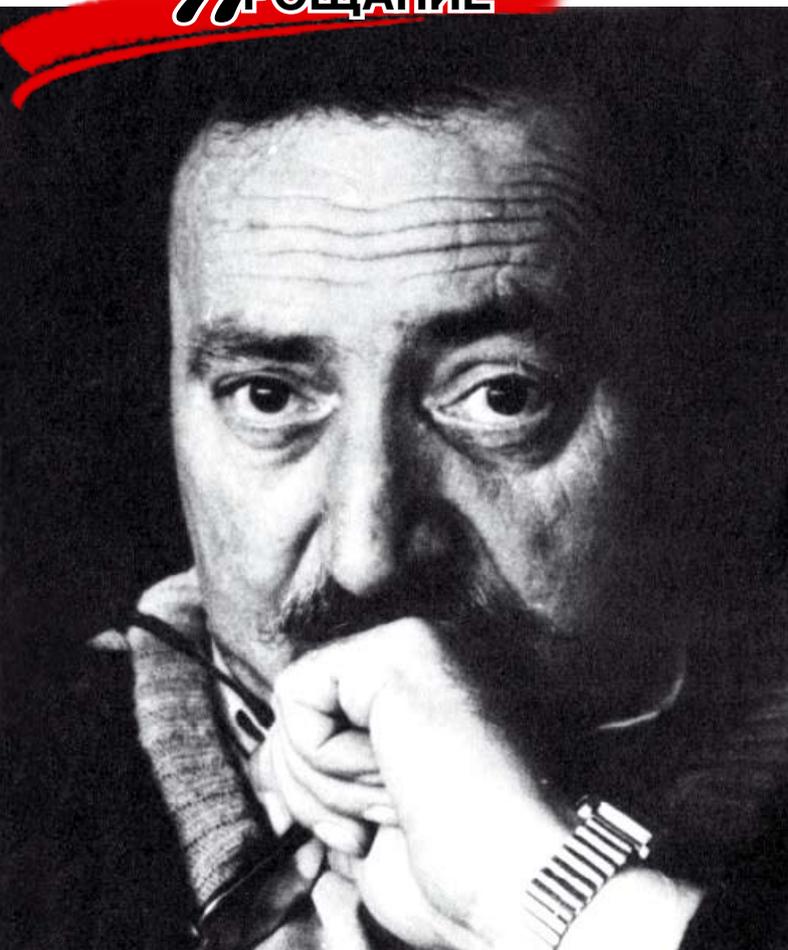
25 февраля 2010 года в Верийском парке состоялось открытие мемориала юнкеру Шалве Эристави на месте тайного захоронения.

Нет повести печальнее на свете.

XX век – век войн и революций – переломал-переломал немало людских судеб. Не осталось семей, в которых не было бы своих преданий.

Сегодня мы рассказали повесть о Шалве и об Аннетте...

Алена ДЕНЯГА

Роберт Кондахсазов

МАСТЕР В ХРАМЕ ЖИВОПИСИ

РОБЕРТ КОНДАХСАЗОВ, ЗАСЛУЖЕННЫЙ ХУДОЖНИК ГРУЗИИ, ЖИВОПИСЕЦ, ДИЗАЙНЕР, ХУДОЖНИК ТЕАТРА РОДИЛСЯ В 1937 ГОДУ В ТБИЛИСИ. УЧИЛСЯ В ТБИЛИССКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ (1957-1963) НА ФАКУЛЬТЕТЕ ЖИВОПИСИ У СЕРГО КОБУЛАДЗЕ, УЧА ДЖАГАРИДЗЕ, ВАСИЛИЯ ШУХАЕВА. ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ АКАДЕМИИ РАБОТАЛ В ТБИЛИССКОМ ФИЛИАЛЕ ВСЕСОЮЗНОГО ИНСТИТУТА ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭСТЕТИКИ (ВНИИТЭ), ГДЕ РУКОВОДИЛ ОТДЕЛОМ ПОЛИГРАФИИ. БЫЛ ГЛАВНЫМ ХУДОЖНИКОМ ТЕАТРА КУКОЛ. ВЫСТАВЛЯЛСЯ С 1964 ГОДА. ЧЛЕН СОЮЗА ХУДОЖНИКОВ ГРУЗИИ С 1968 ГОДА. УЧАСТВОВАЛ ВО МНОГИХ ЗНАЧИТЕЛЬНЫХ ВЫСТАВКАХ В ГРУЗИИ И ЗА РУБЕЖОМ. ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ВЫСТАВКИ - ДОМ ХУДОЖНИКА, ГАЛЕРЕЯ «ВЕРНИСАЖ», ГАЛЕРЕЯ «СОЛОЛАКИ». РАБОТЫ ХРАНЯТСЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ МУЗЕЕ ИСКУССТВ ГРУЗИИ, В ЧАСТНЫХ СОБРАНИЯХ ГРУЗИИ, АРМЕНИИ, РОССИИ И МНОГИХ ДРУГИХ СТРАН.

В каталог работ тбилисских художников-армян из собрания тбилисского коллекционера, профессора Александра Пирадова, изданной в Москве в 2005 году, включена знаменитая фотография, снятая Л.Мамуловым 26 октября 1989 года в Тбилиси, в мастерской Сергея Параджанова. На ней изображены многие известные армянские художники, жившие в то время в Тбилиси. Вокруг красочно накрытого стола расположились художники, многие из которых принесли славу грузинскому и армянскому изобразительному искусству.

Сейчас эта фотография вызывает грустные мысли о скоротечности жизни. Нет в живых хозяина дома, великого Сергея Параджанова, нет колоритного Дилбо (Альберта Дилбаряна), известного живописца и педагога, художника театра Шамира Тер-Минасяна, мастера живописи, автора изумительных портретов и натюрмортов Льва Баяхчева, легендарной Гаяне Хачатурян. А совсем недавно пришла горестная весть из Москвы - не стало Роберта Кондахсазова.

Его дом в Авлабаре сохранял тот аромат, который делал Тифлис - Тбилиси теплым.

Его человеческую сущность и творчество можно охарактеризовать грузинским словом сидарбаисле (достоинство), которое проявлялось и в общении с коллегами, и в заботе о брате Аркадии Кондахсазове, также художнике, чьи проблемы он взвалил на свои плечи и много лет нес со свойственным ему достоинством.

Многогранный художник, успешно занимавшийся станковой графикой, плакатом, промышленной графикой и театром, Роберт Кондахсазов главной сферой своей деятельности, неизменно приносящей ему радость и возможность наслаждаться жизнью, считал живопись.

Художники в гостях у Сергея Параджанова

Жанровое и тематическое многообразие его творчества, оригинальное видение мира, индивидуальная манера письма – плотное письмо, излюбленная сдержанная цветовая гамма делали его живопись узнаваемой, ценной коллегами и любителями искусства.

За десятилетия творческой деятельности художник прошел интересный путь поиска и трансформации. В последние годы сформировалось его новое видение, которое сделало его живопись веселее и глубже.

Роберт Кондахсазов был большим мастером натюрморта, в этом жанре он смог показать всю палитру

чувство цвета, настроения: «Натюрморты с гранатом» (1996), «С кактусом» (1999), «Со скатертью вышневого цвета», «Белый натюрморт», «Натюрморт на окне» и другие. Создавал он и глубоко проникновенные изображения близких (портрет Виктории, жены художни-

Улица

ка). Большое место в творчестве художника занимают виды Старого Тбилиси («Вид Нарикалы с бани Гоголо», 1998). Он любил рисовать ню («Баня», 1998). Начинал художник с простых бытовых тем – его дипломная работа называлась «Укладчики паркета». Потом тематика его работ расширилась. В последние годы определенное место уделялось античным мотивам – «Беременный кентавр», «Венера и Амур» (1995). Смог художник возвыситься и до высокой трагедии в композиции («Резня», 1986), посвященной армянской трагедии 1915 года.

В творчестве Роберта Кондахсазова серьезное место занимает и графика. Наряду с рекламными листами, фирменными знаками, плакатами, он создавал станковые работы, в которых проявил мастерское владение карандашом, острый глаз.

Не так давно мастер переехал в Москву, но родной город никогда не забывал его. Совсем недавно работы Р.Кондахсазова были представлены в галерее «Муза» на выставке тбилисских художников-армян из серии ART-Мосты, организованной группой грузинских искусствоведов Национального центра исследования истории грузинского искусства и защиты памятников имени Георгия Чубинашвили и международным центром культуры имени Мераба Бердзенишвили. Жители его любимого Тбилиси, его коллеги, гости из Армении еще раз смогли увидеть интересную подборку работ художника.

Не знаю, успел ли сам мастер полюбоваться прекрасным каталогом, узнать о большом успехе выставки.

Роберт Кондахсазов навсегда остался тбилисским Мастером Робертом. В памяти коллег, друзей, любите-

Венера и Амур

Натюрморт

лей искусства будет храниться память о талантливом, думающем художнике, занявшем свое достойное место в храме живописи.

Нино ЗААЛИШВИЛИ

*Доктор искусствоведения,
секретарь Союза художников Грузии*

Роберт Кондахсазов подарил мне свою черно-белую гуашь. Я устроил эту картину в кабинете, и она стала забирать все внимание к себе, затмив другие работы. Редкая по энергетике, силе воздействия вещь! На ней изображена фигура кентавра, а сзади нее вырастает женщина... Удивительная работа!

В 1993 году в Москве мы выпустили литературный альманах «Золотое руно», и Роберт Кондахсазов блистательно, со вкусом, я бы сказал, изыском и грузинской щедростью оформил обложку этого издания: грузинский орнамент в коричнево-золотистой гамме. Вся семья Кондахсазова – Вика, Диночка – это замечательные люди, лучшие представители культурной тбилисской среды.

Александр ЭБАНДИЗЕ

Главный редактор журнала «Дружба народов»

Баня Гоголо

СТАРЫЙ ГОРОД

Р. Кондахсазову

Плавно-покатый, румяно-гранатовый,
Вогнутый город с горой на груди,
Далью оглядывай, небом окатывай,
По затонувшим мостам проведи!

Книгой зачитанной и недоконченной,
Выцветшим сонником, темным, как сон,—
Сводчатый, дымчатый, многобалкончатый
Сам ты похищен и в ночь унесен.

В ночь, что спросонья, ворочаясь лавою,
Мечется, серной водой клокоча,
В ночь, где хлопочет певуньей лукавою
И гомонит, горячась, каманча.

Сине-прохладный и знойно-сиреневый,
Переплетенный закатом Тифлис,
Перепиши ты свой свиток шагреневый
Там, где заставкою месяц повис!

Гулкая улица, дряхлая странница,
Сузившись, сжавшись, трясет головой,
И по пятам ковыляет, и тянется,
Словно застывший напев хоровой.

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ

ИСТОКИ

Р. Кондахсазову

Забыв неправедные годы,
Оставив дома сплин и грусть,
Готов в любую я погоду
Подъем твой взять, как Пти Эльбрус.

Мост миновал неспящим шагом,
Иду в район Сирачханы,
Где антиварен каждый камень
И раритетам нет цены.

Вхожу в красильные растворы,
И на пороге письма
Так выдают тбилисца говор,
Глядишь, Европа не нужна.

Сирачхана, твою ауру
Я в сердце унести готов,
Увидев профиль Азнавура
В кругу знакомых стариков.

Ничто не изменилось вроде.
Легенды собраны, как дань.
И в ремеслах как встарь угоден,
Без Никала шумит Майдан.

И гостем каменным в столице,
Не променяв духан на бар,
Царь Горгасал вознес десницу:
«Стой! Дальше — Авлабар».

Арсен ЕРЕМЯН

კინძმარაული მარანი

KINDZMARAULI MARANI

KVARELI DISTRICT, VILLAGE GAVAZI, KAKHETI, GEORGIA

Tel./Fax: +995 (32) 36 18 50

Mob.: +995 (99) 54 00 18

E-mail: info@kmwine.ge ; km.wine@hotmail.com

www.kmwine.ge

Armavia

Արմավիա

WWW.ARMAVIA.COM